

Шурави бача

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Холмовский Владимир

Владимир Владимирович Холмовский

Шурави бача

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48676136

SelfPub; 2024

Аннотация

1983 год. Сергей Крымов восемнадцатилетний мальчишка призывного возраста. Как полагается, его призвали в армию, теперь он солдат. Закончив шестимесячное учебное подразделение его распределяют в Афганистан, он попадает в воюющий батальон в самый разгар боевых действий и оказывается участником и свидетелем этой необъявленной войны. Отношение солдат и офицеров, к происходящим событиям автор видит глазами своего героя. Он изображает их без приукрашивания. Книга для тех, кто ценит правду в описании подлинных событий жестокого времени.

Владимир Холмовский

Шурави бача

Болит душа моя.

Кому открыть мне душу, не знаю

Кто будет слушать,

Как плачу я?..

Батальон. Частная жизнь

Через колючку было видно, как метрах в ста от дороги оживал соседний кишлак, утопающий в сочной зелени фруктовых деревьев. Тугой белый дым от сухого разгорающегося пламенем саксаула вырвался из облупленных труб тандыров и застыл над убогими строениями дувалов, проснувшихся после короткой ночи, мертвой струей повис, медленно расползаясь по утреннему красновато-розовому небу, над пробудившейся долиной. Где-то в глубине селения хрипло, надрывисто закричал проснувшийся ишак, жадно схвативший первый глоток утреннего воздуха, и, задохнувшись сладостной прохладой, заикал. Дым поднимался все выше над крышами дувалов и таял, превращаясь в легкую дымку. Неожиданно налетевший ветерок, дышащий свежестью бурлящей горной речки, принес от купола соседней мечети протяжную молитву местного муллы, нудным голосом оповещающего

всех о наступлении нового дня, и аппетитный запах горячих лепешек и кислого козьего молока из кишлака.

Потерев горячей ладонью нос и запустив руку себе за пазуху, Сергей достал из внутреннего нагрудного кармана солдатской гимнастерки разваливающуюся пачку сигарет «Охотничьи» Ярославской табачной фабрики, в шутку прозванных среди солдат «смертью на болоте». Перебирая пальцами, вглядываясь уставшими за ночь дежурства глазами внутрь пачки, извлек подходящую, сунул ее в рот, поджег спичку, сладко затянулся и слегка закашлял. На его лице заиграл первый солнечный зайчик, пробившийся сквозь ветви деревьев караульной территории, которые гордо расправили свои могучие «крылья» над его стриженной головой, пропуская утренние лучи солнца, еще не жаркого, но уже набирающего свою громадную силу. У Сергея было смуглое и повосточному сухое добродушное лицо, не по годам припорошенные сединой виски, спокойный и в то же время настороженный взгляд, всегда ждущий и ищущий чего-то.

Ему было двадцать лет, он был молод, красив и статен. Большие карие глаза, прямой, чуть с горбинкой нос придавали ему вид мужественный и серьезный. Ростом он был не обижен – метр восемьдесят и еще немножко. Сергей Крымов с улыбкой разводил большой и средний пальцы руки, изображая, сколько, в общем, получается.

– Ну, ну, – подтрунивали его товарищи. – Сколько еще? Колись.

Тогда Сергей разводил руки в разные стороны и изображал что-то невероятное.

– Да отстаньте от меня. Все мое, сколько есть, понятно?

– А сколько есть? – не могли успокоиться вошедшие в азарт солдаты.

– Еще восемь.

– Да? Это немного, – возражали они.

– Э-ээээ, хорош, если не нравится, тогда отстаньте от меня. Накурились тут, по кайфу сейчас прикалывать. Сколько да сколько? Сколько есть, все мое, – растопыбив пальцы на руке, нервничал Сергей. – Коротышки, вот вы кто, понятно вам?

– Ах-ха-ха, – солдаты заливались гортанным смехом, удовлетворенные ответом своего товарища.

Служба шла на убыль. Отслужив больше года, Сергей был сам себе хозяином по законам, существовавшим в батальоне и вне его. А сейчас он стоял на часах и мечтал об отдыхе после бессонной ночи дежурства.

Рядом скрипнула давно не смазанными петлями дверь караульного помещения, и на пороге появилось тучное тело начальника, старшего прапорщика Федорова. В последнее время он был вечным дежурным арестантской ямы. «Дед» – так называли его офицеры и солдаты вне служебных дел, когда встречали где-нибудь на территории в добром расположении духа. Ему было лет пятьдесят на вид, но возраст не слишком отразился на его игривых повадках юноши. Заспанное лицо

Деда было помято и напоминало старую ученическую промокашку, скомканную в кулаке и выброшенную за ненадобностью. Приложив большой палец руки к одной ноздре, он громко сморкнулся, издав хриплый продолжительный звук.

– Хр-р-р-ррр. Вот сучара, не вылезит! Понравилось, что ли? Чуть не задохнулся, – возмутился он заспанным пьяным голосом. – Вот гадина, – он еще раз сморкнулся, да так, что у Сергея зазвенело в ушах и эхо прокатилось над просыпающимися казармами.

– Ну, как тяжба твоя, солдат, а-а-а? – грозно гаркнул он басовитым, с хрипотцой, голосом. – Все нормально, а-а-а? – обратился он к Сергею, продолжая бесцеремонно сморкаться, но ожидая ответа на поставленный вопрос.

Сергей это почувствовал и поспешил ответить незамедлительно:

– Так точно, все нормально, товарищ старший прапорщик, – отрапортовал он, пряча окурок сигареты у себя за спиной.

– Ты смотри, солдат, – повернувшись к нему лицом и извергнув перегарный выдох, погрозил пальцем Федоров. – Ты смотри в оба. Враги не спят, дембель в опасности. Ты понял, солдат, а-а-а?

– Так точно, товарищ старший прапорщик, – ответил Сергей.

Нахмутив брови, Федоров посмотрел по сторонам и, убедившись, что все в порядке, служба идет своим чередом,

засунул в рот большой толстый грязный палец и, покрутив его во рту, словно выискивая что-нибудь мокрое в наступившей после очередного запоя сухости, поднял руку вверх над головой, потом вдохнул всей своей могучей грудью свежий утренний воздух, как бы подчеркивая свою принадлежность к солдатской губе, и зашел, покачиваясь, обратно, небрежно хлопнув старенькой дверью караульного помещения. В последний месяц службы, уже перевалившей за установленный срок, он частично освободился от своих обязанностей и беспробудно пил гадкую на вкус и вид афганскую самогонку. Но по-прежнему оставался хозяином солдатской гауптвахты и долг выполнял исправно, принимая провинившихся солдат на свое временное попечение.

– Заходите, мои дорогие судари, – говорил ласково он, распахивая большие тяжелые железные двери перед вновь прибывшими в его ведомство, освещая потоками света крутые бетонные ступеньки, уходящие вниз, в яму, где находилась батальонная гауптвахта.

После всего, сделав некоторые распоряжения в своем хозяйстве вновь заступившим в караул солдатам, пожав руку начальнику караула, он уходил к себе. В специально отведенной для него комнате в глубине караульного помещения он и проводил время, наслаждаясь «шаропом» – самогонкой местного производства, для быстрого помутнения в головах шурави настоящей на курином помете и карбиде, или, в крайнем случае, вином «кастолином» на виноградных ко-

сточках, которое по первому требованию ему поставлял сын знакомого афганца-дуканщика из соседнего кишлака.

А когда опускались над батальоном сумерки, он, пьяный, прогуливался по территории со своим страшным другом вараном на длинном кожаном поводке, нагоняя страх на встречных.

– О-о-о!! Появилось то, что не запыхалось, – проговорил со злой ухмылочкой начальник штаба батальона, капитан Кривенко, привстал со сбитой крест-накрест скамьи в офицерской курилке и нервно отбросил окурок сигареты в покрышку колеса БТР, вкопанную наполовину в землю и служившую урной для мусора. – Дед вывел прогулять своего уroda, как он мне надоел, скорей бы его отправить в Союз, надоел до чертиков, – произнес Кривенко как-то брезгливо, пристально вглядываясь в появившиеся на фоне быстро блекнущего неба силуэты. – Опять будет сейчас доставать меня насчет своего дембеля. А что я могу сделать, если нет замены для него, красавца, не дают с центра никого, – продолжал он, обращаясь взглядом к рядом сидящему офицеру. – Надо отсюда сматываться, пока он меня не заметил. – Он встал. – Да, чуть не забыл, скажи ему, если будет надо-едать, что да где, ну, насчет меня, я уверен, что он не без причины сюда рулит со своим уродом, скажи ему, что я в бригаду уехал утром, хорошо? Я на сто процентов уверен, да что там на сто, на двести, – он посмотрел на своего собеседника, который все это время молчал, – он опять нажрался в

своей «яме». Его пьяная морда все равно не поймет, в чем здесь дело. С ним сейчас бесполезно разговаривать о чем бы то ни было, только нервы портить в таком состоянии. Не могу понять, как он пьет эту гадость, этот «шароп», если бы нормальный, чистый – другое дело! А то такая муть, заблудиться можно, да еще намешанный черт знает чем. Ну ладно, я обойду территорию – и в модуль. Ну, так договорились? Хорошо?

Офицер одобрительно кивнул, затягиваясь дымом сигареты.

По рассказам старожилов батальона, Дед, как-то возвращаясь с операции, нашел возле дороги яйцо. Долго вертел его в руках, потом бросил.

– Но как будто кто меня остановил, – рассказывал Дед, когда его спрашивали насчет варана, что да как. – И взял его с собой в надежде, что из него вылупится какая-нибудь курица, как раз к дембелю будет мясо.

В ту пору он только что прибыл на службу из Союза и еще не огрубел от войны и от пьянства. Он вывел рептилию у себя в комнате под двухсотваттной лампой и сильно разозлился, когда увидел, что из этого вышло.

– Но сердце же мое не камень-булыжник, и эта маленькая ящерица – божья тварь, тоже жить хочет, раз появилась на свет. Значит, судьба моя такая, и жить нам вместе, и спать, и есть, и пить, – хвастался Дед перед собравшимися солдатами после очередной принятой дозы «шаропа».

Он смирился с вараном, растил его, ухаживал за ним, как за своим чадом. Заставлял «губарей» отлавливать мышей и всяких крупных и мелких насекомых, которых в этой местности было предостаточно. Конечно же, не отказывал он своему любимцу, то есть Борьке, как он его называл, и в лакомых кусках сладкого мяса с офицерского стола. Варан Борька жил вместе с Дедом, спал у него на животе, высунув двойной змеиный язык. Когда кто-нибудь заглядывал в каморку, издавал жуткое шипение, выпучивая маленькие красные глазки – предупреждал хозяина о появлении чужого.

– Я твой папка, иди ко мне, сынок мой, – ласково подзывал Дед варана, посвистывая особым, только ему предназначенным свистом.

И Борька, растопылив свои могучие лапы, опустив голову и прижимая ее к земле, приподняв бугристый мощный полуметровый хвост, разевал пасть, издавал ласковый мурлыкающий свист, медленно, вразвалочку приближался, устраивался рядом, как покорный щенок, положив голову на ноги хозяина, прикрывал глаза, в любой момент готовый встать в бойцовскую стойку для защиты Деда. У Деда было особое развлечение – демонстрировать Борькину силу на пленных «духах». Варан мощными ударами хвоста ломал «духам» ноги, разбивал в кровь головы, вырывал клочьями кожу. Полумертвых пленных Дед бросал обратно в одиночные камеры и удовлетворенный, с чувством собственного превосходства, возвращался наверх. Его боялись арестанты-солдаты,

избегали офицеры, зная его неукротимый нрав, помня, как он звереет, когда сталкивается с гибелью своих. Его уважали и молчали.

Захваченных в плен душманов передавали в ведомство прапорщика Федорова. А поздним вечером, когда батальон засыпал и на фоне ночного неба, усыпанного миллионами ярких звезд, были видны несокрушимые силуэты часовых, с гауптвахты доносился тяжелый звук дверей и холодный щелчок закрываемого внутреннего засова. И немного погодя глухие крики и стоны из подземелья, где находились духи-боевики. В боевых операциях Федоров в последнее время не участвовал по причине нервного расстройства, но был свидетелем каждодневного возвращения ребят с заданий. Он вместе с вараном встречал их возле шлагбаума при въезде на территорию батальона. Солдат, убитых во время боевых действий, спускали в яму солдатской гауптвахты, потому что там было холодно, как в могиле, и до отправки в центральный распределитель они находились в подземелье вместе с пленными врагами.

Крымов вздрогнул от легкого прикосновения чьей-то руки. Он повернулся. Перед ним стоял молодой солдат из его роты, только из второго взвода. Его звали Жука. Вернее, это была кличка, а настоящего имени Сергей не знал, да и ни к чему было знать. У каждого «салабона» было свое прозви-

ще до определенного срока службы, а точнее, до года. После года достойной, по солдатским понятиям, службы молодого солдата переводили в «фазаны». Если дембельский состав принимал решение в пользу переводимого, его двенадцать раз ударяли по заду бляхой кожаного дембельского ремня, передавая оный в дар с росписью увольняемого, узаконивая таким образом его свободу, и называли молодого отныне по имени или по фамилии. А потом рота гудела всю ночь, под предлогом чьего-нибудь дня рождения, как правило, в выходной день, отмечая признание бывших «салабонов», которым выпадала честь стать в одну шеренгу с «достойными». Стол ломился от сгущенки, самодельных тортов из печенья «Альберт» и всякой всячины, которую можно было купить на территории батальона в местном солдатском дукане. Боевые офицеры, знавшие цену службы здесь, относились к этому как к вполне привычным вещам. Встретив новообращенного где-нибудь в батальоне, пожимали руку, говорили:

– Что, стал сам себе хозяином? Это от тебя не уйдет, если ты настоящий мужик, так держать.

Улыбаясь, хлопали по плечу – никто не мог изменить того, что стало законом на этой прожженной огнем и солнцем земле.

А пока «дух», «салабон», или просто Жука переминался с ноги на ногу перед Сергеем. Он с трудом моргал красными от недосыпа глазами, видно, поднялся ни свет ни заря.

– У тебя не будет закурить сигаретки? Дембеля одолева-

ют, – жалким голосом спросил Жука, теребя грязной рукой мочку своего уха.

– Чего? – не понял Сергей.

– Си-си-сигаретки, не будет, а-а-а? – протянул тот, пряча глаза за такой же грязный, как и сам он, край солдатской панамы и испуганно отступая назад.

– Сига-ре-е-тки?! – грозно протянул, повторяя его слова, Сергей и посмотрел на него в упор. – Ишь, чего захотел, а твои где, а-а-а-а? Вчера же всем выдали, ты что, их ешь? – поинтересовался он.

– Д-а-а-м-м, – замялся Жука.

– А-а-а, ну понятненько. Забрали, что ли, да?

Жука обиженно замычал. Сергей понимал, что до Жуки не дошла очередь, а скорее всего, просто поживились «деды».

– Ну, и сколько же тебе нужно?

– Сколько не жалко, – осмелев, ответил молодой.

– Что, пачку тебе, что ли дать, а-а? – в шутку спросил Сергей и полез во внутренний карман своей гимнастерки.

– Ну, дай, – тихо, боясь, как бы тот не передумал, прошептал Жука.

– А губа не треснет от пачки, душара? – грозно нахмурился Сергей.

Жука замолчал, переступая с ноги на ногу, с нетерпением ожидая драгоценного подарка. Сергей дал ему несколько сигарет, и тот исчез так же, как и появился.

«Ну и душара, – подумал про себя Сергей, – какой-то тухлой селедкой от него несет. Он что, не моется совсем, ах, да хотя ему, наверное, не до этого», – решил он, поправляя ремень автомата у себя на плече.

За речку

(шестью месяцами раньше)

Как только первые две машины оказались на мосту между приграничной зоной Термеза и Хайратона, выстукивая шипованными протекторами колес знакомый надоевший звук на стыках неплотно уложенных стальных листов по всему трехсотметровому пространству моста Дружбы, Сергей понял, что это не смешно и что они, недавние курсанты войсковой учебки, действительно направляются в зону боевых действий, откуда не всем суждено вернуться. Неясно было, почему именно сейчас его посетила эта мысль, которая прежде не вступала в полную силу, а теперь вдруг обрушилась на его уставшую за эту суматошную неделю ожидания голову.

Он не хотел думать, что ему, простому человеку, сыну рабочих людей, нужно быть именно здесь, ему, а не кому-то другому, более подготовленному к неизведанному, кто мог бы лучше понять происходящие события. КамАЗ резко затормозил, разбрасывая по кузову машины молодых, уже успокоившихся солдат, которые только час назад, до подхода к переправе, шутили, смеялись в полный голос, не понимая,

что это их судьба. Судьба, от которой никуда не деться, не скрыться, не затеряться в безликой толпе пересылки на приграничном кордоне. Сергей прогонял в памяти раз за разом последние дни и часы своей свободной от лишних размышлений жизни.

Он вспомнил, как командир его роты, капитан Краснов, разогретый алкогольными парами, выстроив курсантов на плацу в длинную шеренгу, расхаживал взад-вперед перед притихшим строем и с издевкой приговаривал:

– Вам всем служить в хороших войсках и подразделениях нашей необъятной Родины. А кто себя будет плохо вести, тот поедет куда? Я вам доходчиво объясняю, а в то же время коротко. «За речку», то есть в Афганистан, выполнять свой интернациональный долг, – он ехидно оскалил свои лошадиные зубы и заржал, как бешеный жеребец.

И только сейчас Сергей задал себе вопрос: а что капитан имел в виду под словом «плохо»? За полгода у него не было ни одного предупреждения или взыскания по службе, не считая, конечно же, нечастых потасовок с одуревшими от легкой службы сержантами или припухшими «дедами». И учебное подразделение он закончил, как говорится, с красным дипломом, сдав на «отлично» все экзамены по боевой и политической подготовке. В чем провинился он перед своей Отчизной? Что он плохого сделал своему народу? Может быть, ему просто выпала судьба родиться в этой стране, идущей скорым шагом к светлому будущему, судьба быть ма-

леньким винтиком – «достойным членом» этого общества, где всему есть своя цена.

Что плохого он сделал? Что сделали плохого его однополчане, которые, опустив головы, сидели с застывшими каменными лицами, не то от навалившейся грохочущей тишины, не то от охватившего их страха перед новой, незнакомой жизнью на этой неприветливой земле. Сергей встал с деревянной скамьи и подошел к окну, отбросив в сторону брезентовую шторку-язык тентованного КамАЗа.

Вглядываясь в шумные потоки Амударьи, стремительно проносившейся под мостом, на котором застыла колонна тяжелых вездеходов, ожидающих своей очереди в этот ад, Сергей протиснул голову в окно, с трудом, как рыба, выброшенная на песчаный берег, стал хватать горячий и немного влажный, еще мирный воздух. Он вспомнил последние часы перед отправкой, когда солдат подняли среди ночи, построили на плацу, огласили список тех, которым суждено было покинуть свою Родину и исчезнуть там, за речкой, в пыльных дорогах чужой страны. Он вспомнил седого майора из штаба, который зачитал список его роты, в которой было сто сорок человек, а впоследствии осталось только тридцать. Лучших. Самых лучших – значит, они оказались худшими, а значит, ненужными. Происходящее вызывало в нем бешенство.

«А ведь обещали службу на берегу теплого Каспийского моря, в городе Баладжары. Почему, почему так произошло? – Он уже начал понимать, что происходит, вглядывал-

ся в лица и глаза своих товарищей, почти братьев. – Возможно, я их больше не увижу, – думал Сергей. Ему вспомнился дом на далекой родине. – А что мне написать своим, что я им скажу, что? Ведь они не поверят моему письму!»

Мама постоянно наставляла в своих длинных, пахнущих ее руками письмах: слушайся, сынок, не пререкайся, сынок, ни порти себе жизнь, сынок, ведь ты знаешь, что мы с отцом не выдержим, ты один у нас, наша опора и надежда, мы не выдержим, если ты попадешь в этот проклятый Афганистан.

И Сергей слушался, и Сергей не пререкался; он выполнял любые поручения и приказы старших и офицеров, хотя по своей натуре не мог смириться с несправедливостью. Но сдерживался, успокаивая себя тем, что скоро он уедет в войска и там ему будет глубоко наплевать на угрозы и натиск «дедов» и оборзевших пьяных офицеров. Потому что он будет сержант, а значит, сам себе хозяин. Сергей не заметил, как колонна тронулась и снова затормозила, опять отбросив солдат к водительской кабине. Он вышел из задумчивого сонного состояния.

«Да ладно, что я, не мужчина, или я стал сомневаться в себе? Никогда, никогда этого не будет со мной, не в первый раз, не привыкать, пробьюсь», – убеждал он себя.

Задний борт с грохотом хлопнулся о раму КамАЗа. Откинув на верх будки большой, покрытый толстым слоем серой пыли брезентовый клапан, солдаты один за другим быстро выскакивали из машины в горячий песок, подпрыгивали на

месте, как бы пробуя на прочность сухую, выжженную адским солнцем поверхность земли, по которой их повели куда-то в глубину образовавшегося невдалеке от тугих взмахов лопастей боевого вертолета Ми-6 плотного, как стена, пыльного облака.

Им навстречу вышел невысокий, довольно упитанный офицер без знаков различия. Только небольшая офицерская кокарда зеленого защитного цвета красовалась у него на выгоревшей до цвета пыли армейской панаме.

– Строиться, а ну-ка шевелите ногами, быстро, быстро! – покрикивал он, подгоняя солдат, как стадо непослушных животных, злыми сиплыми окриками. – Шевелите копытами, что вы, как бараны, столпились в кучу, ну-ка разобратся по два человека, в шеренгу строиться!

Он поднял правую руку. Масса людей зашевелилась; вздымая сапогами пыль, они стали топтаться на месте, толкали друг друга, вытягиваясь в длинную цепь.

– Слушай мою команду. Вот эта часть, – он указал рукой на длинного солдата, выделявшегося из всей массы своим исполинским ростом и телосложением, – перестроиться по четыре в коробочки. Я сказал, по четыре. Вы что, не понимаете по-русски, по какому вам говорить?

Он резво подбежал к длинному, топтавшемуся на месте солдату и толкнул его, да так, что тот, потеряв равновесие, уткнулся лицом в горячий песок возле настила, служившего посадочной полосой для боевых вертолетов, и чудом не раз-

бил себе лицо об острые углы железных пластин.

– Ну ты, сука, шакал! – выругался громко, со злостью, солдат, поднимаясь на колени.

– Что-о ты сказал, «стропила»? Твоя фамилия, сынок? Что ты сказал? Ну-ка повтори, не понял!

Солдат опустил голову, зло сверкнул усталыми глазами, сжав зубы, нервно задвигал желваками.

– Что ты сказал, «стропила», я не понял, солдат, отвечай, когда с тобой старший по званию говорит!

Солдат застыл неподвижно, опустив голову.

– В глаза, в глаза мне смотри. Это тебе не Союз, все, халва закончилась! – нервно закричал побагровевший офицер. – Я тебе покажу «шакала», стань смирно, опусти руки свои обезьяньи.

Солдат, поправив у себя за спиной вещмешок и скрученную в кольцо серую шинель, медленно и лениво вытянулся по стойке «смирно», подчиняясь приказу. Офицер, как бы одобряя поведение солдата, повернув голову влево и окидывая взглядом притихшую массу солдат, сделал обманное движение; наклонившись в сторону и отступив на шаг назад, подпрыгнул в воздухе и с силой ударил своего обидчика ногой в живот.

– Это тебе за «суку», – спокойно проговорил он, вытирая потные красные руки о свое х/б.

Солдат дико завопил и повалился на землю, прикрывая руками место, куда только что ему нанесли предательский

удар, и, уткнувшись лицом в обжигающий песок, захрипел, глотая пыль.

– А это тебе за «шакала», – продолжал бушевать офицер, не встречая сопротивления.

Он еще раз, но уже легче, ударил его кулаком в грудь и, нагнувшись над ним, жарко и тяжело задышав в лицо, заорал:

– Я тебя здесь сгною, «стропила»! Ты у меня попляшешь на ножах, сука! Он меня сукой назвал!

Наблюдая за происходящим, затихли и успокоились шумные, только что прибывшие из Союза, еще не нюхавшие беспредела новой службы солдаты.

– Ага-а, успокоились, а то, е-мое, думали, служба медом покажется, – с чувством собственного превосходства проговорил коротышка-офицер. – Вон, видите, – он указал рукой на песчаный бархан, из-за которого был виден еле заметный деревянный флюгер. – Вон, эта одна часть, – невнятно проговорил он, тяжело дыша от охватившей его злобы.

Немного успокоившись, он надвинул панаму себе на глаза, смахнул ладонью струящийся из-под нее от жаркого, беспощадно палящего солнца пот и уже с улыбкой на лице проговорил:

– Вон, видите две палатки, будете ждать дальнейшего распределения там. Эта колонна, – он указал пальцем туда, где возвышался его недавно поверженный обидчик, пойдет со мной прямо. – А эта коробочка, старшим будешь ты, сержант, – он ткнул небрежно пальцем Сергея в грудь так,

что тот почувствовал неприятную короткую боль, – пойдите дальше, доложите старшему по пересылке, младшемуержанту Ларику, чтобы он связался с «покупателями». Пока будете находиться там, до полного распределения. Ну, все, вперед шагом марш, – он махнул рукой в направлении движения. – А я зайду вечером, посмотрю, как вы там устроились.

Большая брезентовая палатка защитного цвета под пожирающими ее лучами солнца вросла в мертвый песок, и никаких признаков жизни не было заметно в ней. Сергей подошел к небольшой верандочке перед входом, пригнувшись, заглянул внутрь, отодвинул в сторону плотную брезентовую ткань, служившую входной дверью, и попытался различить в душной темноте кого-нибудь из обитателей этого незамысловатого жилища.

– Эй, здесь есть кто-нибудь? – спросил вполголоса он, нарушив тишину.

Никто не ответил. Сергей достал из кармана гимнастерки полупустой спичечный коробок, слегка его встряхнул, убедившись, что в нем что-то есть, чиркнул надломленной спичкой, быстро осветил часть помещения и, пристально вглядываясь, увидел, как кто-то зашевелился, приподнимаясь из кучи набросанного по всему внутреннему пространству палатки тряпья, старых байковых одеял, шинельного рваного сукна и большого изрезанного куса парашютного шелка. Перед ним возникло грязноватое заспанное лицо.

Огонек спички затух у самых ногтей. Сергей, сморщившись, отбросил ее в сторону.

– Э-э-э, ты кто? – сонно проговорило лицо.

– Я сержант Крымов, – ответил Сергей, медленно вытирая ладонью пот со лба, всматриваясь в темноту уже привыкшими глазами. – А ты кто? – поинтересовался он.

– А меня еще не купили, – радостно ответило лицо. – Надеюсь, что не купят. А ты к кому?

– А старшой где? – спросил Сергей.

– В «чепок» пошел за «Си-Си».

– Что? – не понял Сергей.

– В «чепок», говорю, пошел за «Си-Си», лимонад такой иностранный, понял? Вку-усны-ый, – с удовольствием проговорил солдат.

– Давно?

– Да-а, давно, уже, поди, часа полтора как ушел, – ответил солдат, мельком взглянув на свои наручные часы. – А что тебе надо, товарищ сержант? – как бы спохватившись, спросил он.

– Да вот, сюда отправил офицер со взлетки, – уже освоившись, ответил Сергей.

– А-а-а, так вы новенькие, только что привезли? Да? – расплылся в дружелюбной улыбке солдат. – А откуда, если не секрет? – поинтересовался он.

– С Казахстана!

– Не с Отара случайно, а-а?

– Оттуда, – подтвердил Сергей.

– Земляки по службе мы с тобой. И я оттуда, с танкового полка, один остался. Так вы что там стоите? Давайте сюда, заходите. Здесь, хоть и душно, но зато песок холодный и солнца нет, – весело протянул солдат, по-свойски похлопывая Сергея по плечу. – Так вы заходите, заходите, – обратился он к топтавшимся возле входа ребятам, резво отбрасывая на козырек веранды брезентовую шторку. – Что вы там застыли, а-а-а, может, понравилось на солнышке-то? – Давайте, давайте, не стесняйтесь, теперь это ваш второй дом до отправки.

Он вежливо отошел в сторону, указывая, где можно расположиться.

На пересылку навалилась ночь. Она проснулась после изнывающего от жары бесконечно длинного дня, огромной силой, своей темной властью наступила на солдат, спокойно посапывавших в этой уже ставшей для них родной палатке. Их звенящие от усталости руки и налитые горячей кровью жилы успокаивались, в темноте слышалось мирное дыхание и легкое похрапывание.

Сергей проснулся от охватившего его холодного пота. Немного полежав на изрезанном куполе парашюта, он встал и на ощупь, спотыкаясь о ноги спящих, вышел из своего прозрачного убежища.

Осмотревшись по сторонам, он увидел невдалеке, как недавний злой офицер-коротышка, размахивая руками и строя кривые смешные рожи, что-то весело рассказывал собравшимся возле небольшого костра. Сергей приблизился к костру, остановился в двух-трех метрах от него. Сидящие потягивали самокрутку, после каждой глубокой затяжки передавали ее по кругу.

– А он, холера такой, стропила, меня вывел из себя до крайности. Я его завел к себе в каптерку под стволом, поставил пушку к яйцам.

– К своим? – ехидно поинтересовался кто-то из собравшихся.

– К его, конечно, – не почувствовав подвоха, быстро ответил коротышка, увлеченный рассказом. – Ведь не могу дотянуться до его тупой головы. Говорю ему: ложись, говорю ему: встать, говорю ему: ползком, затвор передергиваю, смотрю, он сдрейфил, покраснел, весь затрясся и как начал меня умолять, чтобы я его не убивал. А тут еще кто-то хлопбыстнул из автомата, а я возьми да и выстрели в пол рядом с ним, машинально получилось, со злости. Так он вообще в штаны, наверное, навалил, мне так показалось почему-то, потому что он присел, глаза навывкате. А я ему в огонь масла, в шутку конечно. Вон, говорю, видишь, отстреливают непокорных молодых, думаешь, ты один такой? Он весь затрясся, упал на колени передо мной, и вот такие слезы, – коротышка показал палец, согнув его наполовину.

– Ну, ну, что дальше? – подгоняли его сидевшие вокруг костра вояки.

– А что дальше? – как-то вяло ответил коротышка. – А дальше он оказался моим земляком, из подмосковного Быкова, так что оставлю его у себя на пересылке. Будет гонять молодых духов, под моим присмотром, конечно. А потом он мне спасибо скажет, если не дурак. Нам ведь нужен такой «громилка». С таким ростом ему долго не жить, на первой же войне какой-нибудь снайпер снимет без промаха, это факт, тем более, он пехотинец. А вообще, он парень ничего, мы с ним познакомились поближе, знает кое-кого из моих близких знакомых, поговорили еще раз, поставили все точки над «и», как говорится, на этом и сошлись. Вот такая она, жизнь-то... Вот так-то, – закончил свой рассказ коротышка, принимая из рук рядом сидящего солдата вернувшуюся к нему потухшую самокрутку.

– Кто здесь? – вдруг услышал впереди себя Сергей.

Не желая быть замеченным, он отступил назад и, запутавшись в собственных ногах, потерял равновесие, упал в остывший песок, раскинув руки в разные стороны. От боли в подвернутой ноге он сильно вскрикнул.

– Кто здесь? – послышался настойчивый раздраженный голос и мягкий щелчок предохранителя пистолета.

– Свои, свои, – поспешно ответил он.

– Кто? Кто свои, не понял?

– Младший сержант Крымов, из палатки, где флюгер, –

ответил Сергей.

– Так ты не молчи, если собрался к нам. А то сейчас бы тебя пристрелили на месте и на боевые списали – раз плюнуть, – послышался уже знакомый насмешливый голос коротышки. – А ну-ка, проявись, что там за младший сержант Крымов.

Сергей быстро поднялся и поспешил предстать перед взором приказавшего, морщась от боли в коленном суставе.

– А-а-а, это ты, – расплылся в приветливой улыбке коротышка, потягивая небольшими затыжками дым лениво тлеющей самокрутки. – Я тебя узнал, ты из вечернего прихода, – сказал он и удушливо засмеялся, увлекая за собой остальных. – Что-о-о, – не мог он отделаться от навалившегося на него приступа идиотского смеха. – Что-о-о, – повторял он, надрываясь, со слезами, выступившими из его весело прищуренных глаз.

– Где-е-е, – говорил нараспев он, и все смеялись вместе с ним. – Что, не спится, солдат, перед началом новой службы, или замерз, а-а-а? – спросил он через некоторое время, успокоившись.

– Не спится перед началом новой службы, – ответил, повторив слово в слово, Сергей и подсел поближе к костру.

– Ты чей? А-а-а, я не понял, – вдруг взвизгнул коротышка и схватил Сергея за ворот солдатской гимнастерки, щуря свои красные глаза.

– Да мой это, мой, из моей палатки!! Ты что, забыл, Се-

ня? – бросил младший сержант Ларик, окидывая Крымова одобрительным туманным взглядом, вальяжно потягивая газированный напиток из жестяной импортной баночки. – Ну-у-у, са-ди-сь, ра-з при-шел. Ку-уришь, а-а? – сухим заплетающимся языком проговорил он, прикладывая к своим чуть приоткрытым губам жестяную баночку.

– Да, курю, – ответил Сергей, вытягивая руки над слабо горевшим пламенем.

– На, держи, дерни ма-алеха. – Ларик протянул Сергею тлеющий окурок.

– А что это? – вежливо поинтересовался он.

– Кури, если попал в Афган, без этого может крыша поехать. Хорошо стресс снимает, и спать будешь без задних ног после. Понял? Да и есть о чем поговорить. Давай, не дрейфь, называется это по-афгански «чарз», у нас на вес золота здесь, хотя его везде, как говна. Так что давай, пока мы не передумали, хотя тебе еще не положено по сроку службы. Ну, да ладно, за знакомство. Откуда ты, земляк? – спросил коротышка, разгребая шомполом автомата угли угасающего костра.

– Что? – не понял его с первого раза Сергей, затягиваясь сладковатым бледным дымом. Моментально он почувствовал пьяную слабость во всем своем усталом теле и какой-то веселый напиряющий задор. Выпустив тугой дым, затянулся еще раз, задерживая дыхание.

– А ты-ы мо-ожешь!! Не в первый раз, что ли, да-а?

– В первый, – вяло ответил Сергей и передал самокрутку дальше.

– Так откуда ты родом, я так и не понял? – уже более внятно переспросил офицер.

– Что?

– Родом откуда, спрашиваю, солдат?

– А-а-а, родом, – не понимая, чего от него хотят, Сергей беспомощно замолчал. Но в какой-то момент он опомнился. – Родом, – повторил он. – А-а-а, родом? – пытаюсь понять, что обозначает это такое трудное для него слово, – ро-о-до-мм, – проговорил он и закрыл глаза.

– Ты что, больной, а-а, или притворяешься, или закосить от службы хочешь? Закосить уже не получится, поздно, раньше нужно было думать, солдат, – ехидно улыбаясь, сказал коротышка.

– Да его торкнуло, – вступился кто-то из солдат. – На, хлебни «Си-Си», полегчает.

Сергей взял ходившую по кругу баночку и жадно припал к ней губами.

– Ну-ну, ты сильно там не увлекайся, как там тебя? Если я не запомнил после обкурки, по-моему, Крымов, так, что ли, ты говорил, да, солдат? – Коротышка в упор посмотрел на Сергея.

– Да, так, товарищ... – Сергей сделал небольшую паузу.

– Прапорщик, – подсказал коротышка. – Так откуда ты, солдат? – в очередной раз попытался он получить ответ на

интересующий его вопрос.

– Да я что-то замерз, – сказал Сергей, не обращая на прапорщика никакого внимания. – Что-то ночь какая-то холодная.

– Так надо думать, что холодная, – отозвался младший сержант Ларик. – Все-таки ноябрь месяц на дворе. – В Союзе сейчас уже шубы надели и шапки. У нас в Новосибирске – вот где холодрыга. А здесь что, только в это время холодно по ночам, а днем пекло. – Он посмотрел на Сергея с большим сожалением, а может быть, с желанием оказаться сейчас в родном до боли в сердце городе. У него зануло в груди, и воспоминание сладостной волной прокатилось по всему телу.

– А ты откуда, браток? – поднимаясь на ноги, спросил Ларик, мельком взглянув на Сергея, и подбросил аккуратно в костер деревянные щепки разбитого ящика из-под снарядов.

– С Казахстана я, – тихо вымолвил Сергей, вглядываясь в разгоревшийся огонь и вытягивая руки навстречу прожорливым языкам пламени.

– Так бы и сказал, а то молчишь, я уж думал, что ты ко-сишь.

– Так бы и сказал, – пробубнил прапорщик, подсаживаясь поближе к огню. – Есть у нас кто-нибудь оттуда, а-а? – Он обвел взглядом согревшихся солдат.

– Нет, – тихо ответил кто-то.

– Ничего, приедешь на место, найдешь своих земляков.

Там их много, там целая Россия, солдат, – коротышка махнул рукой в темноту. – Без земляков трудно, но ничего, ты своих найдешь обязательно. Я уже нашел стропилу, – он улыбнулся. – Как-то по-дурацки получилось, но ничего, больше уважать будет. Вот так-то, солдат, – он снова стал ворошить и без того хорошо горевшие угли шомполом.

Немного помолчав, прапорщик поднял тяжелую голову и, раскачивая ее из стороны в сторону, откинул назад, обхватил ладонями и, сильно сжимая, болезненно застонал.

– Сегодня после вас, когда мы расстались на взлетке, – заговорил коротышка, – вертушка «корова» взлетала, может, помните, – он вопросительно посмотрел на сидевших у костра солдат. – Так я знал этого командира, и штурмана, и всю его команду. Эх, ребята, ребята, кто нас сюда послал, в эту клоаку, для чего мы здесь, кто за это ответит, господи-и-и-и, где-е-е, – он замолчал, остановившись на полуслове. И, как тогда, перед строем, запутался в словах, но сейчас не злобный крик вырвался у него, а какой-то булькающий всхлипывающий стон, мало похожий на рассказ. – Так я его хорошо знал, хорошо знал, – повторил он, сдерживая выступившие слезы. – Домой в Подмоскowie отправлял подарки родным. Он всегда работал на этой линии пересылки в Афган молодых. Им-им-им, – он опять как-то непонятно замычал, путаясь в словах. – Так его сбили сегодня над Кундузом, с полной загрузкой, с ним еще сто с лишним человек, вот так вот. – Он опустил голову и обхватил ее вздрагивающими руками. –

Не хотел говорить, но я не могу, не могу я, с ума схожу.

И в первый раз за всю службу Сергей видел, как плакал зрелый мужчина, не стыдясь своих горячих слез. Он всхлипывал, растирал слезы кулаком, как провинившийся школьник. Потом медленно поднялся на ноги и, не проронив больше ни слова, пошел, спотыкаясь, куда-то в темноту поглотившей его афганской ночи. И в первый раз Сергей почувствовал горячий страх за свою жизнь, жизнь человека, еще не узнавшего всех радостей. Ему вдруг стало больно и страшно. Сердце учащенно забилося, выпрыгивая из груди. К горлу подкатил тяжелый ком горечи и застыл, не давая возможности свободно дышать. Теперь он окончательно понял, какой нелегкий крест ему предстоит нести, какая впереди замешанная на крови и боли служба, и как легко здесь можно потерять все. Потерять жизнь, как эти сто с лишним человек в горящем брюхе грузового вертолета.

Двигатель вертолета Ми-6 тяжело набирал ход, раскручивая могучие свисающие лопасти. Было видно в иллюминатор, как массивное тело грузовой транспортной машины лениво оторвалось от взлетки, поднимаясь все выше и выше над землей, на мгновение застыло в знойном воздушном плену, вздрагивая под тяжестью груза. Потом вертолет сорвался с места, как будто кто-то убрал стояночный тормоз, – так показалось Сергею, – медленно и вяло набрал ско-

рость; наклонившись, двинулся вперед, со свистом разрывая горячий воздух. Взглянув с высоты птичьего полета, Сергей увидел волнующую, незнакомую его взору землю, на которой предстояло жить по чужим законам, по законам войны. Черной тенью выглядели селения, проплывающие внизу, какой-то бледной до боли в глазах дымкой были покрыты вершины величественных сопок. «А может быть, это уже горы, которых я никогда не видел живьем?» – подумал Сергей, устраиваясь поудобнее на жесткой скамье. Двигатели мерно урчали; иногда, попадая в воздушные ямы, машина сильно вздрагивала, заставляя солдат с замиранием в сердце прижиться к холодным, выставшим стенам вертолета, хвататься руками за вещмешки, которые при каждом резком ударе разлетались в разные стороны. Прильнув лицом к холодному пластику иллюминатора, Сергей пристально всматривался в проплывающие под ними мохнатые, как будто по заказу аккуратно уложенные снежные вершины неприступных афганских гор, холодных и спокойных, не таящих никакой опасности и тревоги. Только сейчас он заметил стальные силуэты боевых разведывательных штурмовых вертолетов Ми-24 «Крокодил», сопровождающих транспортную грузовую машину. Они уверенно парили в небе, окружив ее плотным крестом, оберегая от возможного вмешательства со стороны чужого пространства.

Значит, рассказ прапорщика был правдой. «Значит, это было, было», – невольно, содрогнулся Сергей, Значит, не

просто так сопровождают их эти грозные боевые машины, горделивые и неприступные, отслеживают каждый взмах винтов, наблюдают за ними своим тяжелым спокойным взглядом хозяев неба. Сергей напряженно закрыл глаза, подперев голову звенящими руками, обхватил лицо пальцами, сжал виски, которые от мерного шума моторов и довольно высокого полета сумасшедше гудели. Он ощутил под пальцами вздувшиеся стонущие вены, выступившие на холодном лбу. Кровь билась в них, пульсируя. Сергей начал растирать места, где чувствовал невыносимую боль от давления, которая отдавалась по всему его телу. Преодолевая жгучую боль, он с трудом открыл свинцовые, налитые кровью веки и увидел, что со стороны кабины пилотов медленно двигался военный летчик в кислородной маске. Он прижимал ее одной рукой, пробираясь через неподвижно лежащие тела солдат. Распластавшись на полу машины, они лежали с белыми лицами, прикрыв глаза, иногда коротким вдохом подавая признаки жизни.

– Ничего, солдатики, ничего, мои родные, сейчас, уже скоро будет легче, – слышался глухой и слабый голос пилота, мешающийся с шумом в салоне вертолета. – Основную часть полета мы прошли нормально, – уже громче сказал он. – Никто нас не посмел тронуть, потревожить, так что готовьтесь, скоро посадка, где-то через полчаса будем на месте, «салабоны», так-то, – он криво улыбнулся, стягивая кислородную маску себе на лоб, и удалился в хвост вертолета.

Сергей почувствовал, как тяжелая машина, грузно заваливая нос и увлекая за собой по инерции движения пассажиров, наклонившись набок, пошла на посадку, выбирая место.

Офицер-пилот направился назад в пилотскую кабину, на его усталом лице застыла молчаливая улыбка. Он окидывал взглядом успокоившихся и оживших после перелета над неприступной стеной афганских гор солдат, похлопывая изредка по плечам и коленям то одного, то другого.

– Товарищ офицер! – Сергей поднял руку, чтобы тот заметил его среди массы одинаково одетых солдат. – Товарищ летчик, – попытался крикнуть он, но шум двигателя и царившая в салоне суматоха заглушили его голос.

Молодые солдаты вставали на онемевшие ноги и с хохотом падали на бронированный пол, опять подымались и уже уверенно, чуть покачиваясь, поправляли смятое обмундирование. Неуклюже передвигаясь по салону транспортного вертолета, пытались выискивать свои вещмешки, которые во время полета рассыпались по салону.

– Слушай мою команду! – что было силы закричал офицер, изменившись в лице. – Всем оставаться на своих местах, не двигаться, не шевелиться, не дышать без моего приказа! Вы что, хотите, чтобы мы упали раньше, чем положено? А-а-а, мать вашу, – выругался он, – вы машину раскачиваете своей возней. Всем оставаться на своих местах, кто где находится, и не двигаться, пока не коснемся земли. Я внятно изъяснил поставленный приказ? Все-таки в машине находится

не десять человек, а во много раз больше. Все понятно, са-
лабоны?

– Так точно, – хором ответили все, прекратив попытки подняться и возвращаясь в то же положение, в котором находились до появления офицера.

– Ну, вот это другое дело, – летчик одобрительно кивнул и исчез в пилотской кабине.

Еще немного, и крылатая транспортная машина с красными звездами на отростках крыльев, торчащих по бокам ее массивного пятнисто-зеленого тела, забитого под самое, как говорится, горло, тяжело, но уверенно коснулась своими лапами земли, которую нельзя было назвать таковой. Один сплошной песок, не считая крохотного квадрата посадочной полосы.

Как и там, на пересылке в Хайратоне, здесь было душно, но ноющая жара, казалось, испепеляла воздух у земли, хватала за горло, мучительно душила, вытягивая из организма вместе с влагой силу. И сильно хотелось пить, пить, постоянно ощущать живительную влагу, и немного, совсем немного есть. Сергей отстегнул клапан чехла, в котором находилась алюминиевая пол-литровая фляга, и поднес ее к пересохшим губам, запрокинул, жадно припал к горлышку, наполнил рот теплой водой с приторным вкусом таблеток, брошенных еще на пересылке в Хайратоне для обеззараживания, проглотил, пытаясь утолить нестерпимую жажду. Оглядевшись по сторонам, он увидел потрескавшуюся землю, по-

крытую толстым слоем огненно-рыжей пыли, которую сорвал налетевший откуда ни возьмись ветер, сбил в плотный столб, закрутил и понес навстречу приближающейся кучке солдат, обрушив всю свою силу на их головы. И вдруг опять все стихло в одно мгновение и затаилось изнывающим жаром молчания, голодной тишины. Не оттого, что здесь было непривычно безлюдно, если не считать тех, кто прибыл сюда выполнять свой долг, не оттого, что их окружали черного цвета горы, – казалось, вот они, рядом, протяни руку – и дотронешься до них, почувствуешь их странную каменную власть, – Сергей чувствовал себя легкой добычей, угодившей в сети неминуемой судьбы, а оттого, что, казалось, сама природа отторгает чужаков, не желая принимать их в свои объятья. Сергей прислушался и ощутил всем напряженным телом, как стонут горы, наполняя гулом воздух чужой стороны.

«Где я? Куда занесла меня судьба? Как знать, что ждет меня здесь?»

В тот момент, когда он это подумал, раздалась уже знакомая своими интонациями команда.

– Ну что вы там столпились, затаились, как бараны в загнанном стаде? – Этот грубый, хриплый и прокуренный голос, такой привычный, наверное, был у всех, кто окунулся с головой в эту страну, в эту необъявленную войну. – Строиться быстро, быстро, не топтаться, разобраться в шеренги по три, ста-но-ви-и-сь. – Мать вашу! В три, я сказал, шеренги. Я сказал в три, а не в четыре. Откуда вас пригнали, от какой

сиськи оторвали, олухи? Сынки, ничего, здесь из вас делают настоящих мужчин. Я что сказал, непонятно? Вы меня не выводите, а то сейчас я вам устрою дискотеку!

Знакомый до последней нотки голос, но только более настойчивый и сильный, чем прежде. Перед этим офицером, почему-то тоже без знаков различия, вытянулась покорно тройная шеренга.

– Ну все, сынки, гражданка позади, и Союз далеко, раз попали сюда выполнять свой интернациональный должок, значит, у вас начинается новая жизнь во всем, от пальцев ног до корней волос. Здесь или пан или пропал, как говорится, или-или. Понятно, бойцы? Равня-яйсь! Смирно! Слушай мою команду, – он вытянул руку перед собой. – Спецы – механики и водители, командиры отделений и расчетов, операторы и наводчики! Строиться по правую сторону от меня, остальные на месте.

Офицер орудовал в куче солдат, как регулировщик на оживленном перекрестке дороги. Он размахивал руками и брызгал слюной. Когда Сергей поравнялся с ним, чтобы присоединиться к шеренге солдат, он ощутил, как большая капля влаги, разбившись в мелкие брызги, обдала его сухое лицо. На мгновение он обрадовался ощущению свежести, но тотчас опомнился, брезгливо сморщился, быстро стирая остатки чужой слюны рукавом гимнастерки, и с неприязнью посмотрел на кричащего офицера.

– Ну что ты встал здесь, проходи впэрд, в кинэц, чи на-

зад витойды. – Крымов почувствовал, как кто-то несильно толкнул его в спину.

«Хохлы», – промелькнуло у него в голове. Отступив на шаг в сторону, пропустил вперед нескольких нетерпеливо топтавшихся на месте солдат.

– Извини, браточек, если что не так. – услышал Сергей голос последнего солдата. – Нам туда, – сказал он на чисто русском языке и указал рукой на взлетную полосу, где набирал обороты турбин, чуть вздрагивая, боевой вертолет Ми-8. – А тебе? – он посмотрел на Сергея добрыми детскими глазами. – Нам туда, мы дальше летим, в Асадабаду, что ли, – сказал он, ломая язык о непривычное для него название местности. – А ты?

– Я здесь остаюсь, вроде бы «спец» я, – Сергей щелкнул пальцами по лычкам на своих погонах.

Солдат слегка улыбнулся, может быть, с сожалением, что не вместе им продолжать дальше путь.

– Тебе повезло, что дорога твоя окончена, – сказал он и повернул голову на окрик со стороны.

– А что это за местность? – спросил Сергей.

– Город Джелалабад, – ответил тот. – Ты откуда, браток, родом, а-а-а? – заторопился солдат, вплотную приблизился к Сергею, уступая дорогу сзади идущему, не обращая внимания на крики раздражающего горло офицера и откуда-то взявшихся солдат-дембелей в парадной форме, которые рьяно выполняли работу, стараясь выслужиться перед этим офице-

ром. Они жестко сортировали новобранцев в строю по пятьдесят человек, приговаривая:

– Ну, все, духи, вешайтесь, пришло ваше время тащить службу!

– Я из Казахстана. – Сергей протянул руку навстречу протянутой ладони солдата.

– А я с Украины. – В крепком рукопожатии они соединились, встретились еще раз глазами. – Николай.

– Сергей.

– Ну бывай, браток, дай Бог, свидимся еще, земля круглая.

– Бывай, браток. – Сергей посмотрел ему вслед. – Дай Бог, свидимся, браток, земля круглая, дай Бог, свидимся. – Он впервые обратился к Богу с тех пор как себя помнил, почему-то желая новой встречи с человеком, с которым проговорил не более минуты. Эта встреча наполнила его душу теплом, согрела сердце добротой детских глаз и рук незнакомца.

– Дай Бог тебе остаться живым и вернуться на Родину.

Успокоившееся сердце подсказывало ему, что и Николай пожелал ему того же.

«Делай раз!»

Три небольших продолговатых окна казармы были расположены с той стороны, где тень от нескольких обглоданных деревьев тутовника падала на толстые метровые стены, спасавшие от массивных обстрелов ручных гранатометов

и разрывных пуль, – об этом говорили выбитые куски бетона, – но только не от знойного сжигающего солнца афганского юга. Они до полудня накалялись до такой силы, что, находясь внутри помещения, можно было свариться вкрутую без воды и соли. В отдельные месяцы жара достигала отметки восемьдесят градусов, превращая в пытку пребывание здесь. И тогда воду, которой, как всегда, не хватало вдоволь, носили под охраной за полтора километра из горной речки. После благополучного возвращения заливали водой пол в казармах и деревянных офицерских модулях, спасаясь таким образом от голодного пожирающего солнца.

Рамы не были вставлены в оконные проемы, но это не создавало комфорта внутри помещения. В казарме стоял тяжелый воздух, насыщенный смесью табачного дыма, углекислого газа и восточных ароматизаторов.

Крымов придержал за собой массивную дверь на упругой стальной пружине и оказался в полутемном сыром помещении боевой роты. Тяжелым, усталым, но твердым шагом прошел вдоль ровных рядов железных двухъярусных аккуратно заправленных солдатских кроватей. Осторожно стянув с головы выгоревшую на солнце панаму, он остановился, уселся на табурет напротив двух постелей нижнего ряда, перетянутых поперек алой красной шелковой лентой.

– Спи спокойно, браточки мои, – быстро, как молитву, произнес, еле заметно шевеля губами, Сергей. – Спи, и пусть вам приснится то, о чем вы так часто мечтали, на ро-

дине дух земли успокоит ваши мятежные души. Еще пара дней, и сюда определят новых смертников, так что места ваши пустовать не будут.

«Наконец-то», – подумал Сергей, усаживаясь на скрипучую сетку своей кровати, машинально сдернул с плеча автомат, прислонил его к еще теплой, не остывшей за ночь стене возле своего лежбища. Он вытянулся на кровати, не снимая офицерских, на тонкой мягкой подошве, полусапожек, которые считались самой удобной, прочной и легкой обувью среди солдат-разведчиков, если не брать, конечно, кроссовок производства города Кимры, иногда появлявшихся в продаже в местном солдатском «дукане».

Потянувшись всем телом на сетке кровати, затем вытягиваясь вдоль, вместе со скрипом пружин услышал расслабляющий хруст, прокатившийся волной удовольствия от сброшенной с плеч тяжести. Устало сомкнул веки, отключился и затих, охваченный пленом внезапно накотившегося слепящего сна после напряженной ночи в карауле. Автомат упал и глухо брякнул о цементный пол. Сергей моментально очнулся, как по приказу, открыл окутанные сонной пеленой глаза, быстро соображая, в чем дело.

– Дне-ева-ль-ны-й! – закричал он что есть силы. – Где ты?

И, приподнявшись на локтях, оторвал голову от ватной солдатской подушки, вглядываясь в пустую полутемную казарму. В ответ послышалось только глухое эхо, растворившееся в длинном помещении. Набрал в легкие побольше воз-

духа для повторного окрика, Сергей испуганно отшатнулся в сторону. Как из-под земли, перед ним возник замученный ночным дежурством дневальный. Это был Жука.

– А-ааа, это ты, должничок, – вяло произнес Сергей, опуская голову на подушку и высвобождая согнутые в локтях руки. – Помоги мне снять боты, пожалуйста, – обратился он к Жуке, не желая ущемить его самолюбие.

Сегодня Сергей почему-то был в хорошем расположении духа. «Почему?» – подумал он про себя. Жука расшнуровал полусапожки Сергея и аккуратно стащил обувь с его ног, тихо задвинул ее под кровать и крадучись направился к входной двери.

– Ты где? – Сергей приподнял голову. – Сто-ой, я тебя отпускал, а-ааа? – угрожающе повышая голос, он посмотрел на возвращающегося солдата. – Ты что, припух, а-ааа? Давно на «калабаху» не раскручивался, да-ааа? Ты что, по-хорошему не понимаешь, душара? Ты что, добра не помнишь или забурел перед фазанкой, а-ааа, дух? Сейчас встану, места тебе мало будет.

Жука, понимая свою оплошность, быстро подошел к кровати Сергея, опустил голову и вытянул руки по швам, пытаясь как-то оправдаться.

– Да мне туда надо.

– Куда туда, а-аа? Сейчас сделаешь, что скажу, и пойдешь, куда тебе нужно, хоть на все четыре стороны. Понял?

– Да, – уже спокойно ответил Жука, внимательно слушая,

что ему скажут.

– Первое, – Сергей загнул палец на руке. – Сдашь в руж-парк мой автомат, скажешь Димону, я просил, и смотри, не перепутай, в мою ячейку поставишь, понял?

Жука согласно кивнул головой.

– Второе, покажи свои руки.

Жука протянул перемазанные непонятно чем ладони.

– Понятно, – бросая короткий взгляд, произнес Сергей. – Помыть сначала с мылом, потом с содой. – Я проверю, так и знай. Понял?

Жука ответил понимающей гримасой.

– Третье, сходишь на ПХД в столовку, что там у нас на завтрак сегодня?

– Капустный суп на первое, на второе перловка с тушенкой, – ответил солдат.

– Первое и второе оставь себе, если выдюжишь.

Жука подхалимажно заулыбался.

– Зайди в офицерскую столовую, подойдешь к узбеку, зовут Хашим, скажешь, от меня, возьмешь «пайку», хлеб и масло. Понял?

Жука понимающе задергал головой.

– Ну, тогда все, вперед, одна нога здесь, другая там, – сказал Сергей и перевернулся на живот.

Рота была на утреннем разводе на батальонном плацу. Бы-

ло слышно, как комбат орал во все свое луженое горло, нарушая тишину раздраженным недовольным криком.

– Что, уроды, зажрались, а-ааа? Я спрашиваю, зажрались, да-аа? Конечно, зажрались, – отвечал он на свой же вопрос. – Я что сказал вам делать, дембеля мои дорогие? Что, не слышу ответа, где ответ, почему молчите? Что? – он приложил шутливо ладонь к своему уху. – Кто там каркает? Я сказал вам делать крышу. Где? Правильно, на бане. Одни не доделали, дембельнулись, уехали, потому что я их пожалел, вообще-то, они уволились вместе с вашим старым комбатом, им просто повезло. Вы думаете, и вам повезет, да? – он демонстративно замотал пальцем у себя перед лицом. – Нет, не дождетесь от меня этого. Я последний раз спрашиваю, что я сказал вам делать? Молчите? Значит, знаете. Отвечаю, работать, заканчивать крыть крышу, а не лежать под ней и в казарме. А я что наблюдаю? Что я наблюдаю, и что я сказал вам, уроды? Одни под крышей растянулись, кайфуют, видите ли, другие в казарме вожделенно наслаждаются. А работать кто будет, я, что ли? – он ткнул себя пальцем в грудь, – или молодых опять запряжете? Вот этого не будет! Вы что, боитесь оторвать свои задницы от влажных матрацев, а-ааа?

Он подошел к небольшой двойной шеренге дембелей. Они, недовольно прищурив глаза, смотрели поверх головы комбата, чтобы не встречаться с ним взглядом.

– Что за форма одежды? – приблизившись к одному из солдат, спросил он вызывающе и потянул его за ремень. – Я

спрашиваю, где должен быть ремень у бойца? Не на яйцах, а где? На талии! Так, понятненько кое-что для меня! – Он сильно дернул его, так что тот подался вперед всем своим телом, едва не сбив с ног комбата. – Домой хотите, да? – он вопросительно посмотрел на них. – И я хочу, – с улыбкой признался он.

– Мы свое отслужили, отдали долг, – недовольно выкрикнул кто-то из строя.

– Да мне наплевать, что вы отслужили, а некоторые даже переслужили свой срок. Это от вас зависит, кто поедет в конце месяца домой, а кто вообще не поедет, только после меня через полгода, когда я уволюсь. Ну, уроды, вы дождетесь, я вам устрою дембель на рождество. Я вам найду работу! Если понадобится, по третьему кругу пойдете. Забили болт на меня, значит, задембелели, это вам дорого может обойтись.

В наступившей тишине казалось, что набирающее силу и раскаляющее все вокруг рыжее солнце потрескивало, поднимаясь все выше и выше. Комбат не спеша прохаживался вдоль шеренг притихших солдат. Остановился и отошел в сторону, освобождая место перед строем.

– Дембеля, упор лежа принять! – разразился он громкой командой.

Шеренги на мгновение заколебались и замерли как вкопанные на своих местах.

– Не понял! Я что сказал? Бунтовать? Повторяю последний раз! Упо-оор лежа, дембеля, при-ии-нять.

Шеренга чуть заметно всколыхнулась на месте, оставаясь в прежнем состоянии.

– Что-оо? Неповиновение своему командиру? Невыполнение приказа? – закричал он, меняясь в лице. – В дисбат захотели, уроды?

– Сам ты урод, – послышался злой шепот.

– Что, кто это сказал? – майор Портов пристально повел своим тяжелым взглядом по напряженной шеренге. – Кто это сказал, я спрашиваю? – брызжа слюной, яростно заорал он. – Ты? – он ткнул пальцем первого солдата. – Или ты, Кундин, а-а-а? Что зыркаешь на меня? Чем ты недоволен, солдат, а-аа? Упор лежа при-ня-ть, солдат! Не вижу движений. Я что сказал?

Он с силой обхватил солдата мощной клешней за шею и стал прижимать к земле.

– Убери руки, убери руки, гаденыш! Отпусти, отпусти, гад, – захрипел тот, хватаясь руками за деревянную трость, которая торчала из-за голенища выдраенного майорского сапога.

– Куда ты руки тянешь, урод? – майор, сильно толкнув его вперед, кулаком правой руки ударил в живот и прижал к пыльному плацу. – Лежать, я сказал, ле-жа-ть, – он демонстративно придавил концом деревянной трости спину солдата, пытавшегося встать на ноги. – Повторяю еще раз. И последний. Упо-оор лежа принять!

Как по велению волшебной палочки, дембеля бухнулись в

пыль батальонного плаца. Майор Портов стоял, широко расставив ноги, одной рукой похлопывал трофейной тростью по голенищу покрытого тонким слоем пыли канолового хромового сапога, после каждого короткого удара оставляя на нем след, другую упер в бок могучей двухметровой фигуры, грозно нахмурил густые мохнатые брови и нервно оскалил прокуренные желтовато-белые клыки.

– Домой хотите? Это нужно заслужить еще. Домой – это хорошо, водка, ба-абы, удовольствия всем хочется. Но я стал отчетливо замечать, что вы почувствовали сладостные моменты далекой и желанной всем сердцем гражданки. Вы положили на меня и мои приказы. Так что ли, а-аа? – Портов непристойным жестом изобразил невыполнение приказа. Он согнул руку в локте и сжал кулак, так что послышался в пальцах хруст, яростно хлопнул себя по бицепсу, напрягая стальные звенящие мышцы. – Или вы на войну захотели, соскучились, а-ааа? Я вам устрою, проще пареной репы, мои дорогие дембеля.

И его слова не были пустой угрозой. Нет. Что он говорил, то он и делал, не заботясь о жизни простого солдата. Особенно непримиримым он становился по отношению к увольняемым, замечая, что его приказы все чаще игнорируются. Он мог быть справедливым, но мог быть и последней сукой, отправляя дембелей с легким сердцем в горячую точку или в Богом забытый, кишачий смертью кишлак. Так просто, легко. За Родину, за какую? – спросить бы его. Не имея пра-

ва распоряжаться чужой жизнью, а просто из желания сломать, уничтожить неудобного, наживая врагов среди тех, кто был с ним в одном строю, не оставлял он выбора жить или умереть, когда все меньше оставалось в дембельских календарях дней, не перечеркнутых крестом, отделяющих их от долгожданной свободы. За что здесь воевали, никто из солдат-смертников толком не мог понять до конца своей службы или жизни. Может, за то, чтобы просто выжить, если попал сюда, не по своей воле или реже – добровольно, выискивая в этой службе романтику или приключения, но, только столкнувшись с действительностью, понимал всю тяжесть происходящего.

Вот и сейчас майор, рьяно выговаривая дембелям на плацу, пугал их, что не видать им хорошей жизни на гражданке, ведь он может испортить им жизнь и там – характеристикой или еще каким-либо черным словом, и здесь, на войне, лишив увольнения домой вовремя, вопреки тому, что они заслужили свою свободу и жизнь.

И за малейшую провинность они лишались заслуженных невероятной ценой наград, к которым представлялись после удачных боевых операций, рискуя жизнью, испытывая страдания и видя смерть своих друзей. И награды не находили своих настоящих героев, а оседали в штабах, красуясь на груди недостойных «крыс», или «любимчиков», не узнавших, что такое огонь, никогда не преследуемых запахом горячей плоти, в штабных кабинетах перевиравших услышан-

ные рассказы смертников. И в последний раз ребята думали о родине, которую не суждено обнять тоскующей душой своей, и не целовать землю свою жаркими губами, и не обдавать ее своим свободным дыханием. И с последней надеждой срывали чеку и прижимали к сердцу обжигающе холодный металл оставленной для себя гранаты.

– Что молчите? Развалились тут, как на пляже. Солнышко пригрело? Я сказал, упор принять. Упор, а не подпор, – он подошел к ближайшему солдату и небрежно, ногой, выбил из-под него руку. Тот, не ожидая такой выходки, упал на бок, ударившись щекой об оголенную землю, и разодрал ее в кровь.

– Ну и сука же ты гнусная, майор, – прокатился легкий шепот по лежащим шеренгам солдат, напряженно наблюдающих за происходящим.

Портов или сделал вид, что не услышал, или на самом деле не обратил внимания на шум со стороны, но, сильно хлопнув тростью по голенищу сапога, прикрикнул:

– Отставить разговорчики в строю! Дембеля, слушай мою команду! Делай раз, два. Делай раз, два. Я сказал два, – настойчиво повторил он и прижал носком сапога рядом лежащего солдата. – Не нужно торопить меня, не нужно. Раз, я сказал, раз! Стоять, ноги не сгибать в коленях. Что, разучились выполнять команды? Вашу мать, ишь ты, забурели. Ни хрена у вас не выйдет. Четче, два. Раз, два. Четче, раз, два. Капитан Кривенко, подойдите ко мне, – обратился он к офи-

церу. – Продолжайте, – сказал Портов и отошел на несколько шагов в сторону, изредка нервно похлопывая тростью по голенищу. – Хорошо, вы свободны, идите в штаб, я передумал, – распорядился вдруг он. – Я сам закончу свои дела.

Капитан недоуменно посмотрел на Портова.

– Я сам, сам я, идите в штаб, я вам приказал, кажется, товарищ капитан! Что вы тут стоите, выполняйте приказ, или вы тоже разучились? – выплеснул он свое раздражение на капитана.

– Так точно, товарищ майор, – ответил Кривенко, опуская глаза

– Что так точно, разучились? Что, что, что-оо? – повышая голос, закричал Портов.

– Ты что, Алексей? Успокойся.

– Да пошел ты подальше, – вытаращив глаза, зашипел майор. – Он меня успокаивает, ты вот кого должен успокаивать, разнуздал, распустил, расслабился! Он меня успокаивает, етит-твою мать, – он грязно выругался. – Ишь ты, он меня останавливает. Я здесь хозяин. Забыли? Кому прекословить вздумали? Урро-оды. Всем стоять смирно! Я не давал команду «вольно».

Ровные шеренги заметно напряглись, солдаты сдерживали дыхание.

– Вот так-то лучше, – уже мягче произнес комбат, окидывая их тяжелым взглядом.

Он был готов разорвать любого, кто осмелился возмутить-

ся по какому-либо поводу. Дембеля, покрытые коркой пыли, изнывали, стоя на вытянутых руках. Крупные капли пота стекали по налитым кровью лицам быстрыми струйками, падали в ядовитую серую мучную пыль, впитывались в нее, исчезали.

– Ну что, отдохнули? – обратился он к ним со злорадной улыбочкой. – Раз, держать. Вам выбирать, аккорд или боевые. Что вдруг замолчали? Устали? Я понимаю, что это трудно и неприятно. Да мне плевать, так же как и вам. Это ваша служба. Вы в моей власти. Но я с вами еще по-человечески обращаюсь. Вот как скажете, так и будет, слово даю. Так что, дембельский аккорд или разомнетесь до замены в горах, а-ааа? Делай два!

Дембеля, измученные продолжительной муштрой, плюхнулись на плац, подняв небольшое облако пыли.

– Ну что такое, что за отношение к себе? – как бы в шутку проговорил майор. – А теперь слушайте меня внимательно! Пока не построите баню, – меня лично не интересует, сколько вы будете ее строить. Для вас чем быстрее, тем лучше, сами понимаете. Для вас полная свобода времени. А до этого времени никто никуда не поедет, – он поднял многообещающе палец. – Ну, если только грузом двести, – съязвил он. – Понятно вам, граждане дембеля? Я спрашиваю, понятно? Не слышу ответа.

– Так точно, товарищ майор, – прохрипело отделение из пятнадцати человек.

– Ну ладно, – комбат по-хозяйски прошелся вдоль лежащих шеренг. – Полежали – вставайте, а то еще уснете, не дай бог, – и на его суровом лице появилась обжигающая улыбочка. – Вольно-оо! – гаркнул комбат.

Батальон оживленно зашевелился и загудел, выходя из напряжения.

– Теперь слушай мою команду. Дембеля, в столовую, завтракать, – он посмотрел на свои часы, усмехнувшись. – Хотя уже близится время обеда, но ничего, даю час чистого времени без проволочек принять пищу – и быстро на объект. А то я уже замучился пробираться через «зеленку» в бригадную баню, пора бы уже свою иметь. Своего отца-комбата совсем не жалеете, – он прищурил глаза и оголил клыки, выдавливая из себя уже знакомую улыбочку. – Уедете от меня, будете вспоминать лучшие денечки своей службы, граждане дембеля, – сказал он, четко выделяя последние два слова. – Остальные – разобраться по плану сегодняшнего дня. Третий взвод третьей роты, приготовиться к выезду. Инструкции получите у командира роты. Все, – проговорил он, выдыхая.

Батальон с нетерпением ждал последнего слова хозяина.

– Командирам рот, развести по объектам, – любимое выражение Портова, такое же, как и слово «уроды». Он говорил уже спокойно, улыбаясь, как будто ничего особенного не произошло, вежливо раздавал указания подчиненным офицерам, которые не спеша подходили к нему в порядке оче-

реди.

Перед глазами плыли родные места: речка, палисадник, стол, за которым режутся в «козла» мужики в выходные дни, с утра до вечера и с вечера до утра. Их жены, которые тянут их домой, а те упираются, ругаются, и в конечном счете побеждает сила. Последний год службы все чаще заставлял Сергея возвращаться в родной дом. В мыслях, во сне, в мечтах. Он все больше и больше скучал по запаху необъятных колосющихся полей и бурого цвета пашен и крохотных березовых рощиц между ними, и истоптанных в пыль тропинок, и зеленеющих с приходом весны лужаек, манящих ароматом полевых цветов, и нежных подснежников под хрустящей корочкой исчезающего на глазах снега, талой водой уносящегося вглубь парящей земли. Он скучал все больше и больше, но не так, как в первый год своей службы, а совсем по-иному, чувствуя что-то скорое и неотвратимое.

Кто-то легко взял его за руку, свисающую с края кровати, приподнял и опустил. Сергей неторопливо перевернулся на бок от стены, лениво открыл глаза и увидел, как Жука аккуратно выставлял на его тумбочке «пайку», стирая рукавом своей гимнастерки осевшую на поверхности пыль. Две толсто врезанные горбушки черного хлеба, пара кусков тающего желтого сливочного масла и небольшое куриное яйцо.

– А-аа, это ты, – сонно произнес Сергей и недовольно по-

косился. – Я чуть не заснул, ожидая тебя. Где тебя черти носили?

– Да я быстро, – попытался оправдаться Жука.

– Что значит быстро? Я же тебе говорю, чуть не заснул с твоим «быстро». Что, жрал, наверное, за двоих, да?

– Да я-я пока автомат в ружпарк сдал, пока на ПХД сходил, пока в офицерку зашел.

– Слышишь ты, что ты мне лапшу на уши вешаешь, душара, твое счастье, что я устал. Свое вечером возьмешь сполна.

– Да минут двадцать прошло, не больше, – жалобно запричитал Жука.

– Ну ладно, вали отсюда, не порть мне аппетит, – оборвал его Сергей, мельком взглянув на электронный циферблат своих трофейных часов «Омах».

Жука затоптался на месте, как бы вымаливая прощение.

– Ты еще здесь? Вали отсюда, вечером разберемся. Ну, хорошо, – смягчился Сергей. – Я сейчас перекушу малеха, и до ужина не будить. Понял? – он внимательно посмотрел на солдата. – А сейчас принеси воды, намочи простыни и меня закрой. Ну, я думаю, ты знаешь, как это делается? Только порезче.

– Будет сделано, – весело пропел Жука, и, сорвавшись с места, исчез в дверях казармы.

Сергей быстро проглотил пахнущий мятой хлеб с маслом и желтком куриного яйца, вдогонку сделал несколько больших глотков теплого чая. Желудок ласково заурчал. Удовле-

творенно закрывая глаза, мимолетно охваченный пеленой наступающего сна, Сергей уснул, оставляя проблемы этого дня далеко в стороне. Над опаленной территорией батальона опускался долгожданный вечер. Уже не душащий, прогретый дневным адским солнцем воздух остывал, и дышать становилось гораздо легче. И не нужно было пробираться сквозь него, разрывая столбенеющий гнетущий плен длинного пожирающего афганского дня. Окруженная с четырех сторон старыми желтовато-серыми простынями, кровать напоминала небольшой восточный склепик. Нудная серая муха, пробравшаяся окольными путями в прохладное и чуть влажное убежище, надоедливо жужжала над ухом, прерывая сладкий сон. Сергей всячески старался отмахнуться от надоедливой соседки, с головой накрывшись влажной от пота подушкой, с сожалением думал о том, что сейчас самое время быстро подняться, прогнать ее и спасти готовый покинуть его сладкий сон.

И только он отказался от этой трудновыполнимой задачи, как кто-то торопливо сбросил подушку с его головы и, настойчиво теребя за плечо, прогоняя остатки сна, почти в самое ухо громко зашептал:

– Вставай, Серый, давай, кочумарь. Вставай, Серый, хватит дрыхнуть. На ужин пойдешь или как? Я и так изнылся в ожидании, когда ты проснешься. Не хотел тебя будить. Ты совсем меня не ценишь. Я уже жду, жду, жду, жду, когда ты проснешься, – пожаловался он и отбросил край простыни

на верхний ярус кровати, наполняя тусклым светом казармы угол, где спал Сергей.

Сергей, прикрываясь ладонью, увидел улыбающееся лицо своего лучшего друга и соседа по койке, Петра Черкаса, невысокого крепыша родом из далекой маленькой деревушки где-то на западе Украины. Его круглые, в русых ресницах, глаза были наполнены жизнью и какой-то непонятной радостью.

– Потому что в моих жилах тэче кровь моей неньки Украины, моей ненечки, – любил ласково приговаривать он на вопрос: что у тебя с лицом? что ты лыбишься постоянно, а?

– Это ты, братишка, – произнес, потянувшись на кровати, Сергей, улыбаясь и протирая рукой заспанные глаза.

– Я, конечно! А кто? Кого ты еще ждал? Ну, давай, браточек, вставай, – ласково поторопил Черкас. – Давай, давай, – он подошел и потянул Сергея за руку, усаживаясь на свою кровать рядом. – Сейчас скажу что, не поверишь.

– Что? – с любопытством посмотрел на него Сергей, натягивая носки. – Ну, чего ты там еще придумал, Петруха?

– Сегодня на ужин много мяса, во-ooo!! – он распахнул руки в разные стороны, восхищенно изображая количество. – С облета семь баранов привезли, троих «шакалы» забрали в офицерскую столовку, много конечно, но с их аппетитами нам не равняться, и судить об этом, я считаю, бесполезно, – по-философски рассудил он. – Но наш «бача» Хашим приготовил много плова, и рис нашелся сразу, а то эта

«кирза» уже до блевотины надоела. Ух, сегодня почифаним от пуза, – радостно потирая ладони друг о дружку, с удовольствием проговорил Петруха. – А еще знаешь что?

– Что? – вопросительно посмотрел на друга Сергей.

– Что, что, – загадочно улыбаясь, произнес Петруха. – А вот не скажу.

– Да ладно, Петря, не томи, выкладывай, что там у тебя приключилось.

– Да не приключилось, а что у меня есть.

– Что у тебя есть? – поинтересовался Сергей.

– А у меня еще есть ха-аа-роший «бакшиш».

Запустив руку в голенище солдатских смятых в гармошку сапог, он с нескрываемой радостью поднес к носу Сергея аккуратно завернутый в целлофан жирный, в два пальца, коричневого цвета кусок чарза, исходящий резким запахом дурмана.

– Во-оо, на, вдохни, – сказал он восторженно и развернул сверток перед глазами Сергея. – На, вдохни, браток!! Не курил, тебя ждал, пока ты очухаешься.

– Да ладно, шутишь, Петруха.

Сергей посмотрел на него, принимая из рук чарз и предвкушая удовольствие всей своей плотью. Запах, казалось, разошелся по всей казарме. Сергей вдохнул полной грудью, и от пьянящей дурманящей волны глаза сами закрылись и его бросило в легкую тошноту.

– Ух-хх!! – произнес Сергей с восхищением, передавая

пакет обратно Петрухе. – Где взял, Петря? – спросил он, подпрыгнул на пружинах кровати и соскочил на еще влажный бетонный пол.

– Да с Дедом на бэтээре в кишлак гоняли за шаропом, так там у духанщика на три куска хозяйственного мыла выменял. – Ну как, хорошая «дурь»? – с нескрываемой гордостью спросил Петруха.

– Высший класс, – одобрительно согласился Сергей. – Сегодня оторвемся после ужина с пацанами. Если они с собой не привезли с кишлака.

– Да нет, вроде бы, ходят хмурые, я их видел мельком, не успел даже поговорить толком.

– А рота где? – повертев головой, спросил Сергей.

– Да они уже с час как на ужине, – махнул рукой Петруха. – Тебя не разрешил дневальному будить, так что пошли, нам там оставят, я застрополил нашу «пайку». Пошли, браток.

– Ну, раз так, тогда пошли на королевский ужин.

Петруха заулыбался, обнимая Сергея по-дружески.

– Я знал что ты оценишь мой прогибон, ты же мой брат, а я твой, а остальное по барабану. Правда, браток?

Сергей кивнул головой в ответ. Они встали и вышли на улицу из казармы.

Темный вечер окутал клейкой чернотой всю территорию, спасали только глазищи закрепленных на крышах трех казарм прожекторов, которые, надрывисто потрескивая и гудя, освещали тусклым неоновым светом площадь батальо-

на. Привлеченные светом, различные мелкие насекомые, отчаянно жужжа, кружились над жестяными банками, цеплялись лапками, пробирались в щели отдушины поближе к холодному свету, потом безрезультатно пытались найти дорогу обратно, бились о толстые стекла и к утру следующего дня засыхали внутри своего рая.

Роты уже отужинали. Из прогретого злым дневным солнцем помещения сборной железной столовой выходили последние отставшие солдаты, торопясь занять свободные места в батальонном кинотеатре под открытым небом. Сегодня, в выходной, в очередной раз показывали надоевший до чертиков фильм «Человек с ружьем». До отбоя еще оставалось часа три, и поэтому молодые, уставшие за нескончаемо длинный день, хронически не высыпавшиеся солдаты-первогодки спешили на сеанс, чтобы немного поспать перед отбоем после дневных мытарств. Пока шел просмотр кинофильма, никто из старшего призыва по строгому приказу комбата Портова не мог посягнуть на их «право культурно-массового отдыха». И сонное царство молодых дорожило каждой минутой своего свободного времени. Дежурный офицер время от времени прохаживался вдоль деревянных, без спинок, лавок, внимательно всматриваясь в лица спящих, повторял:

– Не спать, смотреть хороший фильм.

– Уг-уу, – говорил кто-нибудь из толпы одинаково одетых людей и беспомощно опускал голову на свои натруженные

руки, упираясь локтями в колени.

В «чифальне» ужин был в стадии завершения. В небольшом сборном сооружении за деревянными столами сидело по два-три человека, в основном старшего призыва, лениво доедая исходящий запахом баранины коричневатый-белый плов. Дневальные безобразно гремели посудой и собирали грязные столовые принадлежности, размашисто стряхивали со столов влажной толстой ветошью крошки хлеба и остатки пищи, нервно отмахивались от надоедливых серых столовских мух, нудных писклявых комаров, которые кружили скопищем над ними, пытаясь ужалить. Запах вареного мяса и смесь каких-то цитрусовых беспощадно драконили желудок Сергея, как только он с Петрухой появился на пороге солдатской столовой.

– Вот это чифан, давно мы такого не едали, – сказал Сергей и посмотрел на своего друга.

– А я что говорил тебе, а ты тормоза включил, нужно было давно здесь нарисоваться, нажраться и-и-и...

– Да ладно, Петря, мы и так свое возьмем.

– Я знаю, браток, – согласился Черкас.

За отдельным, чисто вымытым и насухо вытертым столом-десяткой, лицом к входной двери сидели два человека. Сержант Александр Иванов, замкомвзвода, уткнулся взглядом в алюминиевую тарелку и, не отрываясь, с жадностью поглощал ее содержимое, и рядовой, красавец роты, неугомонный одессит, душа-человек и балагур Николай Оляха,

по-простому среди своих «Одеса». Невысокого роста, смуглый, с выпирающим кадыком на крепкой шее. Его черные жесткие кудри, коротко остриженные, блестели так, как будто он их натирал воском. Он что-то оживленно рассказывал Иванову, лихо постукивал по пластиковой крышке стола то кулаком, то костяшками согнутых пальцев. Иванов в ответ то и дело кивал головой, морщил лицо, искоса поглядывал на Одесу, не отрываясь от вкусной еды. Приблизившись к столу, Сергей краем уха услышал несколько коротких отрывистых фраз.

– Да-а, бля, пошел он к едрене фене. Шакаляра. Да плевал я на эту крысу, он мне говорит: «Куда? Духа прикрывай!» Нужен он мне, этот чморина. Тут самому сам знаешь что, тут самому бы не подохнуть.

– Ну, как там, на войне, без нас, пацаны? – усаживаясь за стол на деревянную, выскобленную до белизны лавку, заговорил Петруха, прерывая их напряженный разговор.

– Как всегда, пацаны, вы же знаете, если живы, значит, все нормально, пацаны, – произнес как-то натянуто Иванов, чуть заметно улыбнувшись.

Одеса, перегибаясь через стол, протянул по очереди Сергею и Черкасу свою руку, по обыкновению, доброжелательно.

– Сегодня на облете были и попали после духов, – пробубнил почти себе под нос Иванов.

– Где?

– Да в этом долбанном Гуль-Беле, – оживился Одеса. – Посадили на ножи нашего наводчика духи, вместе с домо-чадцами.

– Ну и дальше что? – подключился к разговору Черкас.

– Ну и то, – продолжил Одеса. – Там духи бачей обложили, спустились с гор, как всегда, за провиантом, ну, и конечно, баб пощупать. А им по хрену, видно, натворили и смылись; а тут мы нарисовались, да их уже тю-тю.

– Да по почерку видно, какая-то залетная банда, что их, мало в горах и в зеленке развелось, – проговорил Иванов и развел руки в разные стороны. – Там ведь был наш наводчик, хатовец, кто-то на него вывел из кишлячных. Так забрали все, что можно было забрать, а кишлак-то этот договорной, потрошат все кому не лень, кишлячные обозленные и на нас, и на духов, ну и короче, сдали его вместе с семьей. А тут нарисовались мы, немного не успели. Да по почерку, скорее всего, «дикари», порезвились на славу.

– Так самое главное, – вмешался Одеса, – у этого хатовца было две ханумки, малолетки по-нашему, жены его, скорее всего, так ничего себе, но с ними уже аллах беседует. Так они их шмакнули по очереди и глотки им перерезали, курвы, перед тем как свалить, на сухаче возле кириза повесили голых. Да я бы сказал, что они ничего были при жизни, судя по их внешнему виду.

– Да у тебя только одно на уме, прекращай, не об этом сейчас речь, – одернул его Иванов.

– А я что, я ничего, – обиженно промямлил Оляха.

– А этого хатовца, – продолжал Иванов, – порезали все-го, поизмывались над ним от души. На лбу вырезали звезду, уши отрезали, руки вывернули, ноги перебили. Да, короче, не на что было смотреть. Они, наверное, думали, что ему хана, сделали контрольный в сердце, а пуля прошла выше. Пинцет из санчасти сказал, будет жить. Мы его с собой привезли. Ну и живучий попался, сука. – Иванов замолчал и принялся выгребать из тарелки остатки уже остывшего риса, время от времени запивая чаем. – Ротный сказал, что пойдем в засаду, после всего, как уляжется эта история. По расчетам, они должны вернуться в Гуль-Бель. Где-то через дня три. Наш взвод пойдет. Так что готовьтесь, – поглядывая на своих друзей, вполголоса произнес Иванов.

– Что, в первый раз, что ли, – заметил Петруха. – Сейчас курнем – и хоть на Панджер в ущелье Джабель-Уса-Радж, в засаду.

– У тебя есть, что ли, Петруха? А что ты молчишь? – широко раскрывая глаза, проговорил Иванов и встал из-за стола, расправляя плечи, хрустнул ключицами и сцепил руки в замок за головой. Высокий жилистый худощавый парень с черными, как сажа, глазами и размашистым шрамом от ножа на правой щеке – в память о Чарикарской «зеленке». – Ну, тогда договорились. Вы давайте, дожевывайте не торопясь. А мы с Одесой в роту, перекинемся во что-нибудь полегче и будем на арыке на нашем месте. Хоп! ?

– Договорились, – кивнул Сергей.

Они вышли из-за стола и направились к выходу.

Плов оказался на редкость вкусным, даже холодный.

– Бача Хашим молодец, отличный чифан забацал, – сладостно проговорил Петруха, пережевывая мягкие длинные рассыпчатые зерна индийского риса.

– Да-аа, браток, что вкусно, то вкусно, отрицать не буду, – сказал Сергей и, взяв из тарелки кость, стал обкусывать пахучие куски мяса. – Петруха, надо будет Хашима подогреть на раскурку, зайдем после ужина, хорошо?

– Конечно, о чем речь, – согласился Черкас, не отрываясь от еды. – За такой чифан я ему лично благодарность объявлю.

– Ну бабай, ну молодец, – восхищался он. – Все, вот это я нарубался, сейчас взорвусь, нужно чайку горяченького замахнуть, – потянулся он за чайником, который стоял рядом на разносе, и насмешливо спросил: – Что пить будешь, Серый, чай или какаву?

– Чай, конечно, – ответил Сергей, подставляя кружку под носик чайника. – Хорош чаек, – сказал он и отхлебнул глоток из кружки, смакуя крепко заваренный напиток. – Хоро-оош, м-ммм! Ну что, к арыку идем, по дороге зайдем, как договорились, к Хашиму, так, и займемся культурно-массовым отдыхом до отбоя и вечерней поверки. А то пацаны уже, наверное, заждались нас, – заторопился Сергей, выходя из-за стола. – Да вставай, пошли, хватит жрать без меры, заворот

кишок получишь, – он похлопал по плечу друга, который после кружки выпитого чая вцепился зубами в кость и с удовольствием грыз ее, причмокивая. – Да пошли, Петря, дома будешь отъедаться, кочумарь. А то, я смотрю, ты на глазах жиреешь, морда уже заплыла.

Черкас бросил на стол дочисто обглоданную кость и, тяжело поднявшись, пошел вразвалочку за Сергеем к выходу из столовой.

Хашим стоял возле кучи немытой посуды. В одной руке он держал влажное вафельное полотенце, завязанное на самом конце крупным узлом, другой размахивал в воздухе над головой и быстро говорил что-то хриплым голосом, почти кричал. Рядом с ним суетилось несколько молодых солдат, они бегали по кругу от одного стола к другому, на которых стояли кастрюли, банки и всякая поварская утварь.

– Блят в ваш нога, бистро ногам шевелит, дюхы, – хрипел он, подгоняя их.

– Эй, бача Хашим, инджа, – позвал его Крымов по-афгански, просовывая голову в открытое окно посудомойки.

– О-ооо, вай, вай, – повеселел тот и, что-то коротко буркнув, подошел к ребятам.

– Ну, как дела, Хашим-бача?

– Да достали меня эти салябоны, – неожиданно выдал тот почти на чистом русском.

– Так ты уже стал базарить, как русак, – пошутил Сергей и пожал ему руку.

– Да нэт, это я один раз полюбился, как это, не знаю сама.

– Сама ты давно уже ничего не знаешь, – съехидничал

Черкас.

– Чито ты, братышка, хотель? – не понял он.

– Да все нормально, бача, проехали, все о'кей. На, держи, раскуришься после работы, хапнешь, – сказал Черкас и протянул кусочек чарза.

– Вай, вай, хо-ро-шоо, – радостно залепетал он. – Таша-кор, братишка, как раз вовремя ты грел меня, мой башка савсэм больной. Эти дюхы, меня скоро крища оторвется, ни хрен ни врюбається, – сказал путаясь он и посмотрел назад.

– Ну ладно, бача, нам нужно валить, пацаны ждут.

– Спасыбо, братышка, – он обнял, по очереди прижимаясь щекой к щеке, Сергея и Черкаса. – Ви куда пошел? – спросил вдруг Хашим.

– На арык, курнем.

– Завтра пришли одын молодой, сахар привезут. Дам пара пачка бакшиш, – прошептал вдогонку он.

– Хороший, свой бача, малый метр с кепкой, но зато в доску свой. А я совсем забыл объявить ему благодарность за ужин, – опомнился Петруха.

– Еще успеешь, – сказал Сергей и подтолкнул его вперед.

Возле назначенного места, опустив ноги в прохладную журчащую воду, сидел Одеса, что-то бубнил себе под нос, разговаривая сам с собой.

– Оба на-аа, – игриво вскрикнул он и спрыгнул с перекла-

дины, которая лежала поперек арыка и служила мостиком для перехода. – Поймал, поймал, – закричал он радостно. – От меня еще ни одна не уходила, зараза.

Он вытащил руки из быстро струящейся воды и поднял над головой небольшого черного угря, который, извиваясь, хлопал его по рукам и разбрызгивал остатки воды во все стороны.

– Все, теперь ты будешь шашлычок, – весело нараспев сказал он и отбросил рыбу на берег, подальше от воды, в еще не остывшую пыль дороги. Он напоминал заправского мужика, который, позабыв обо всем, занимался добычей еды для своего семейства, барахтался в прохладной мутной воде, шарил руками по дну.

– О-ооо!! – крикнул зычно он. – Еще один, жирный, гад, куда, куда, я же говорил, от меня ни одна стерва не уходила.

Иванов сидел немного дальше на берегу и внимательно наблюдал за происходящим, не предпринимая никаких попыток вмешаться в ловлю угрей.

– Откуда они здесь взялись? – недоумевал Одеса, отряхивая руки от воды.

– Ну ладно, вылазь, – наконец настойчиво проговорил Иванов и встал на ноги. – Хватит, вон пацаны идут, – он указал на дорогу, по которой двигались со стороны батальона две легко узнаваемые фигуры.

– Много надергал? – поинтересовался Сергей, приблизившись к своим друзьям.

– Да-а, есть кам-кам2 , – отозвался Одеса и показал рукой в пыль.

– Что так долго? Мы вас уже тут заждались, думали, не придете. Или «шакалы» перехватили со своими проверками по карманам? – почему-то озираясь, спросил Иванов и достал запечатанную пачку сигарет из нагрудного кармана гимнастерки. – Держи, Петря.

Черкас отломил кусок душисто-вонючего чарза и принялся его крошить на мелкие куски, время от времени подогревая раскуренной сигаретой.

– Ах, Одесса, жемчужина у моря. Ах, Одесса, ты знала много горя. Ах, Одесса, родной любимый край, – весело напевал вполголоса Николай Оляха, умело выдувая табак из четырех сигарет. Он быстрыми движениями принимал от Петрухи измельченный в порошок чарз и в считанные минуты выдал творение своего таланта – набитые под самый верх «солдатской радостью» две пары сигарет.

– Нет лучше наслаждения, чем накуриться и забыться после трудного дня работы. Как хорошо посидеть со своими друзьями, да что я говорю, братушками моими. И вспомнить свою матусю ласковую, в думках сгорая. И город родной мой, в мечтах и во сне приходящий, и легкий запах пленяющей кожи девичьей, и губы мягкие бутоном раскрытым, – сказал он и шикарно улыбнулся в темноте белым рядом ослепительных зубов.

Он, сильно затягиваясь дымом сигареты, блаженно выдох-

нул, еще, и еще, и еще раз втягивал в себя пьяный дым спокойствия и забытья. Он откинулся назад, краем глаза посмотрел на молчаливо сидящих своих друзей и опустил веки, неподвижно застыл в позе покойника, сомкнув руки у себя на груди, вытянулся во весь свой небольшой росточек, еле слышно застонал. Его глаза чуточку приоткрылись. Было видно в свете полного месяца, как небольшая овальная слезинка застыла в разрезе его красивых карих глаз и, немного задержавшись, растянулась в падении, как утренняя роса, скользкая по холодному листу, уже длинной, жирной каплей упала в пыль и исчезла навсегда, не оставив никаких следов. Им было хорошо сегодня. Они были все вместе, одно целое. Они чувствовали рядом жаркое дыхание друг друга, шутили, смеялись, подкалывали, язвили. Ведь сегодня прошел еще один день их пребывания здесь, в плену войны, непонимания, голодной тоски по Родине и всего того, что они уже испытали в свои восемнадцать, девятнадцать и двадцать лет, выплевывая кровавую грязь. Они распластались на берегу и слушали плеск воды и жужжание надоедливых насекомых, пребывая в сладостном состоянии спасительного дурмана.

В засаде

Как только приплюснутые силуэты боевых вертолетов исчезли из поля зрения за далеким хребтом афганских стального цвета гор и мощный гул турбин растворился в небе, звенящем зноем беспощадно палящего и пронзающего своими

лучами солнца, моментально навалилась гнетущая, уже знакомая, потрескивающая тишина, иногда прерываемая глухим топотом солдатских полусапожек и лязгом боевого снаряжения.

По пыльным улицам между дувалами цепью вытянулся взвод, направляясь к руслу высохшего арыка, расположенного вдоль периметра небольшого предгорного селения. Шли тихо, прислушиваясь к каждому шороху, стараясь при ходьбе придерживать руками позвякивающие металлические предметы. «Вертушки» должны были привезти очередной дозор на подмену через двадцать четыре часа.

«А пока нам нужно защищать этих бачей при необходимости», – подумал Сергей, вытирая рукавом гимнастёрки вспотевший лоб.

– Взвод, стоять! – послышалась короткая команда ротного, прокатываясь легким шепотом по шеренгам движущихся людей.

Цепь разведчиков рассыпалась по руслу пересохшего арыка.

– Принять боевую позицию! Командирам доложить о состоянии отделений! – распорядился старший лейтенант, командир роты Губанов.

День набирал силу. При каждом взгляде в небо, гнетущее своим спокойствием, солнце оказывалось все ближе к зениту. Струйки пота текли по всему изнывающему в пекле телу, пробивая себе дорогу наружу. Х/б постепенно пропиты-

валось жгучей влагой пота, мокрые пятна моментально испарялись и вновь появлялись, чтобы исчезнуть, образовывая на спине и подворотничке большие белые пятна солеотложений.

Гимнастерка, пропитавшись жидкостью, прилипала к телу под тяжестью боевого снаряжения и солнца, беспощадно жалившего своими стрелами лица и руки солдат.

Сергей перевернулся на другой, еще не онемевший от лежания бок, высвободил руку из-под себя, медленно, аккуратно достал вспотевшими скользящими пальцами сигарету. Захватив ее губами, поджег спичку, прикрывая одной рукой взметнувшийся огонек и дым. Перевернувшись на спину, пощупал холодный бок еще не успевшей нагреться солдатской фляжки. Отстегнул клапан футляра, приложил ее к горячей, покрывшейся соленой коркой щеке, затем ко лбу, на мгновение застыл, принимая желаемое за действительное. «Побольше бы воды ледяной!» – подумал он. Отложив сигарету в сторону, сделал несколько коротких осторожных глотков, задержал воду во рту на долю секунды и проглотил драгоценные живительные капли, ощутив моментальное облегчение во всем своем напряженном теле. Перевернулся на живот и, с трудом напрягая зрение, пряча глаза от солнца, посмотрел в сторону уже ожившего кишлака. Было тихо. Только время от времени блеяли овцы и кучей бегали и возились в серой пыли кишлачные куры, мелкие, как двухмесячные цыплята. А точнее, дико-домашние куропатки. «Наверное,

нужно машину и БТР набить ими под самую завязку, чтобы накормить наш взвод», – подумал Сергей и сглотнул густую липкую горьковатую слюну, представив себе большой круглый стол, аккуратно застеленный чисто пахнущей белоснежной скатертью. Запах домашних цветов, только что срезанных в саду, ласковые руки своей мамы, которая суежилась возле него, старалась угодить ему во всем, что он попросит. И стало так хорошо и приятно на сердце, что Сергей позабыл о своей настоящей жизни. И о том, что он здесь, в Афганистане, и о том, что ему сейчас идти в бой. Ему казалось, что он дома, растянулся на большой пуховой перине, наслаждается жизнью вольной и беззаботной. Он, Сергей Крымов, солдат своей Родины. Он, недавний студент и хороший друг своих друзей. И заклокотало у него в груди, обволакивающей дрожью пробежала по всему телу волна сиюминутного наслаждения. Он зажмурил глаза, и ему стало больно от судороги, взорвавшейся в голове. Закрывая руками перекошенное лицо, Сергей встал на колени.

– Ты что, Серый, куда собрался? – услышал он как будто издали доносящийся голос. – Что с тобой? – его кто-то дергал за ткань гимнастерки. – Ну, пригнись! – тихо прошипел Иванов. – Что с тобой, братишка?

– А-а-а, а-а-а, – сильно задышал Сергей, пытаясь справиться с тяжестью, нахлынувшей в его грудь, невидимой путой заставляющей его задышаться в этом и так душастом воздухе. – А-а-а, что? – с недоумением посмотрев в глаза Ива-

нова, Сергей увидел перед собой черное расплывчатое пятно.

Он опять попытался встать на ноги, сжимая пальцами лицо. Его обхватили со спины, повалили на землю, прижимая к ней тяжестью тел.

– Что с тобой, Серый? – услышал он спокойный говор Петрухи.

Сергей, немного успокоившись, пытался справиться с навалившимися на его лицо судорогами. Он прохрипел, скрипя зубами, с трудом разжимая челюсти:

– Голова у меня раскололась.

Закрывая глаза, он чувствовал, как пульсировали на висках вздувшиеся жилы и наливались тяжелой кровью глаза.

– Ну что ты, что ты, братишка, терпи, сейчас, сейчас я тебе помогу, сейчас я тебя успокою, браток, – ласково выговаривал Черкас с украинским акцентом, придерживая Сергея за затылок. – Иван, пакет, еще один, – обращаясь к Иванову, негромко крикнул он.

Рванув зубами индивидуальный пакет, Иванов достал шприц-тюбик с промедолом и легким хлопком вогнал иглу в икру ноги Сергея. Выдавлив жидкость, отбросил в сторону израсходованный тюбик. Через некоторое время Сергей ощутил, что боль покинула его измученное тело. В голове посветлело и стало легко дышать, со лба исчезли вздувшиеся бугры.

– Ну вот и хорошо, ну вот и ладненько, – услышал Сергей

все тот же ласковый голос Петрухи. – Все, успокойся. Опять у тебя крыша съезжает, да, братишка? Опять о себе Чарикар напоминает? – спросил друг и посмотрел ему прямо в глаза, прищулив свои маленькие, в пушистых ресницах, глазки.

– Ну, ты как себя чувствуешь? – улыбаясь, спросил снова Черкас, понимая, что от промедола Сергея, по-простому говоря, «прет во все стороны».

– Все хорошо, Петруха, все нормально, – с улыбкой ответил Сергей, переворачиваясь со спины на живот.

– Ну и ладненько, – опять проговорил Петруха и, прижимая к глазам полевой бинокль, обратил пристальный взгляд в сторону ближайшего дувала с развалившимися воротами и черными разводами от прямого попадания снарядов в стенах убогой лачуги.

На один миг открыв глаза после успокоившего его обезболивающего укола, Сергей в легком тумане наркотической слабости увидел, как от дувала, расположенного чуть выше, куда пристально вглядывался Черкас, метнулась черная тень. Встряхнув головой, Сергей вновь зажмурился, предполагая, что это ему показалось, и отбрасывая мысль о реальности.

– Смотри, духи! За дувалом, вон бур торчит. Смотри, – не отрываясь от бинокля, сказал Черкас, выставив вперед указательный палец.

– Значит, мне не показалось, – моментально выйдя из состояния слабости, понял Сергей, прикладывая к своим гла-

зам предложенный Черкасом бинокль.

Да, действительно, духи были метрах в пятидесяти от разведчиков.

– Может, они нас не заметили? А-а? – вопросительно проговорил Петруха и посмотрел на Сергея, щелкнув предохранителем на автомате, поправляя не спеша гранаты на поясе и «лифчике».

– Ну конечно, – возразил ему Сергей, по примеру друга поправляя свое боевое снаряжение. – Я их заметил еще раньше тебя, вон там, – он указал рукой на каменный валун метрах в тридцати-пятидесяти от засады. – Я думал, мне показалось, после промедола, ан нет, так оно и есть, дружище.

– Сегодня, чувствую, предстоит нам серьезная работа, – сказал Петруха и посмотрел в сторону ротного, ожидая от него незамедлительных распоряжений.

Ждать долго не пришлось. Как только это было сказано Черкасом, взвод самопроизвольно зашевелился.

– Отделение сержанта Иванова, приготовиться к движению, остальные остаются на месте, в прикрытии. Наблюдение вести постоянно, выставить дозоры по кругу. Связь держать четко. Выходить на позывные только шифром. Свяжитесь с центральным, доложите ситуацию, – четко отдал распоряжение Губанов, новый командир роты.

Новичок в этой войне, но выдержанный. Его смелый взгляд вселял надежду в солдат, к ним он тянулся всей душой, прощая ошибки и ненависть к этой службе на земле

Афганистана. Ходили слухи внутри батальона смерти, что переведен он сюда, в самое пекло, с пограничной заставы Кушка, где побил морду начальнику заставы за плохое отношение к солдатам. Его больше всех эксплуатировали, посылали в самые немыслимые переделки, может быть, желая таким образом побыстрее избавиться от него. Делали это по приказу сверху. Он был худощав, но крепок. В свои двадцать четыре года он был юн, но никто не замечал в нем этого. Он общался с солдатами в бою на равных, а в батальоне пытался выдерживать простительное расстояние, но всегда был приветлив, тактичен и добр, и мог так непринужденно раскурить сигарету «солдатской радости», чтобы стать ближе к боевым товарищам, сумевшим оценить его за последние два-три месяца. Он был зол на войну и готов был рвать врага, вцепившись в него зубами. И своим примером заражал солдат.

– Выйдем с западной стороны, зайдем к ним в тыл, – передернув затвор своего автомата с подствольником и поставив его на предохранитель, распорядился ротный. – Посмотрим, что там за праздник себе устроили «зеленые». Со мной пойдут шесть человек. Иванов, ты со своими пройдешься, как договорились. Сейчас вместе идем прямо по арыку, к охраненным стенам кишлака.

Отделение в составе двенадцати человек медленно, не спеша, выдерживая расстояние между идущими, сгибаясь под пятидесятикилограммовой тяжестью боевого снаряжения, двигалось по высохшему руслу, поднимая пыль. Охва-

тившая одну треть дувалов западная стена, которая защищала от внезапного вторжения со стороны близлежащих гор, встретила мертвой тишиной. Тишиной уже знакомой и нудной, пустынной потрескивающей тишиной. Куда-то подевались обитатели селения, исчезли животные, и не бегают по пыльным улицам голопузая афганская ребятня. Они как будто провалились сквозь сухую окаменелую землю, затаились в ожидании неминуемого. Так казалось на первый взгляд.

Успокаивая жаркое прерывистое дыхание, группа остановилась. Прислушались.

– Они что, все здесь подошли? – не выдержав тяжелого молчания, прошептал Одеса и посмотрел на Иванова.

– Тихо, хохол, – прервал его Иванов. – Тихо, помолчи, сейчас не до твоих шуточек.

Он, как охотничий пес, почувствовав добычу, весь напрягся, затаив дыхание перед прыжком. Где-то, совсем рядом, скрипула ржавыми петлями разбитая дверь жилища, потом с силой хлопнулась о глиняный угол стены, едва удержавшись на своем прежнем месте. Послышалась громкая, с каким-то умоляющим стоном, афганская брань. Сергей успел уловить некоторое понятные ему словосочетания. Затем несколько глухих ударов чем-то тяжелым, и стонущая тишина наполнилась коротким топотом убегающего. Раздался невнятный крик. Где-то недалеко женщина призывала аллаха помочь ее дочери.

– На крик идем, выдерживать дистанцию, не топать! –

приказал ротный, срываясь с места и увлекая за собой разведчиков.

Прозвучал короткий одиночный выстрел винтовки, как будто кто-то стрелял в упор. Опять наступила тишина. Нервы были на пределе, пот струился из-под панамы, заливая глаза соленой, жгущей лицо влагой.

– Где, где это было, направление? – спросил шепотом ротный. – Откуда доносились эти чертовы голоса, откуда? – нервно сверкнул глазами и, присев на корточки, затих.

Все промолчали, остановившись, насторожились. Где-то рядом, на расстоянии восьми-десяти метров от замыкающего группы, кто-то возился и учащенно дышал. Сергей прислушался.

– Здесь кто-то есть, – проталкиваясь к Петрухе, сказал он и кошачьим мягким шагом направился на шум.

Подтянувшись над невысоким, наполовину разрушенным забором дувала, немного помедлил, опустился. На его мокром лице засияла злая улыбочка.

– Ну, что там, Серый? – спросил подкравшийся Петруха.

– Ну? Что? Что там? – пытаюсь подтянуться над забором, любопытствовал подошедший ротный.

– Там дух, ханумку трахает, – как-то с удовольствием сказал Сергей и посмотрел прямо в глаза Петрухе. – И женщина убитая, наверное, это ее мать.

– Мы слышали.

– Какой сегодня день? – как бы опомнившись, обращаясь

к солдатам, возбужденно спросил ротный.

– Шестое, пятница, – шепотом произнес Иванов, взглянув на часы.

Капитан воскликнул, хлопнув себя слегка по лбу:

– Бля, бляха, как мы упустили, сегодня же день любви по их обычаям, вот нарвались, – глухо произнес он, оскалив нервно зубы, как бы предчувствуя неладное. – Передай на русло, по рации, – обратился он к радисту, – пусть свяжутся по возможности с центральным, предупредят. Видно, нам скоро потребуются в прикрытие вертушки.

– Пусть непрерывно набирают, – распорядился ротный, бросив косо́й взгляд в сторону радиста. – Здесь духов полна коробочка, проголодались, суки, я думаю.

Закончив свою речь, он скомандовал:

– Обходим с тыла!

Девочка лет десяти-двенадцати, стояла на коленях, чуть раздвинув ноги. Упершись головой в дверь загона, в котором толпились козы и тощие овцы, она от нечастых толчков слегка постанывала, то ли от боли, то ли от удовольствия. Широкое платье розового цвета было разорвано и покрывало ее смолянисто-черные волосы, оголяя кофейного цвета с некоторой чуть заметной белизной девичий зад, к которому, не замечая приближающихся разведчиков, позабыв об осторожности, пристроился немолодой, заросший густой черной бородой и с погано выбритым, чуть прихваченным загаром черепом, душман. Он опустил голову и, прижимая ее к сво-

ей груди, кряхтел, было видно, как крупные капли пота выступали и, собираясь вместе, стекали с его бритой головы. Бур и патронташ валялись чуть дальше, вместе с защитного цвета жилеткой пакистанского производства и туго сбитой чалмой, как будто ее только что сняли с колодки для головных уборов. Немного дальше лежала мертвая женщина с пробитой навывлет головой и залитым кровью лицом, над которым уже жужжали зеленые крупные мухи. Не замечая присутствия посторонних, душман с яростью голодного волка насиловал девочку. Закрыл от удовольствия глаза и, разрывшись громким выдохом, повис на ослабленном девичьем теле, всей своей тяжестью прижав ее к земле, тяжело задышал.

Окружив плотным кольцом место преступления, разведчики остановились, не проронив ни звука. Нервная гримаса перекосила лицо ротного.

– Мразь, сука, козел, – прорычал он и со всего размаху кованым армейским сапогом ударил с силой сзади, вывел его таким образом из сладостного состояния.

Вскрикнув от боли, душман повалился на бок, пытаясь в падении натянуть на себя спущенные до колен широченные национального покроя штаны. Завопил, брызнул густой слюней, потянулся моментально за винтовкой.

– Куда? – зарычал Губанов и ударом ноги в живот отбросил его в сторону от девочки, которая, сжавшись в комок на земле, по-детски запищала и заплакала. – Гнида! – он еще

раз со всего размаху ударил душмана носком сапога прямо в лицо, разбрызгивая вокруг крупные капли крови.

– Что, сука духовская, – заорал ротный и изо всей силы ударил его прикладом автомата. – Что, морда козлячья, сын ишака, не ждал нас, не ждал? – Ротный рвал и метал. – Решил на халяву потрахаться? А-а-а? – кричал он, танцуя возле него в нарастающей ярости. – Зачем убил ханум?! – Губанов указал рукой на лежащий рядом труп старой женщины. – Гнида, выродок! На тебе, сука! – повторял он, нанося душману глухие удары кованым сапогом в лицо, грудь, живот. – На тебе, на халяву, на тебе, бери, не жалко!

– Товарищ лейтенант, хватит! – оттащил ротного от неподвижно лежащего духа Иванов.

– Да, да, – опомнился тот, лихорадочно тряся головой.

– Ротный, смотри, – Крымов подошел поближе к Губанову.

– Что? – обернувшись, спросил тот и посмотрел на Сергея красными от гнева глазами.

– Это дух, снайпер, здесь больше сорока зарубок на буре, – сказал Сергей, подавая винтовку Губанову.

– Ах, ты еще и снайпер, зря спустился с гор, сидеть бы тебе и сидеть там, морда, – закричал Губанов, приподнимая его за грудки, подтащил к стене дувала, бросил возле нее. – Видно, смертушка по тебе плачет, – выдавил он из себя. – Прошманать дувал, все перевернуть, может, там еще где-нибудь что-нибудь... – осекшись, ротный замолчал.

– Петруха, пошли в соседний, шмананем для верности, – предложил Сергей, увлекая за собой друга.

Перемахнув через разбитый забор, они очутились в рядом стоящем жилище, метрах в пятнадцати от места пребывания группы; выбив ногой чуть державшуюся, закрытую на засов дверь, оказались внутри.

– Фонарь, сюда посвети, – попросил Сергей.

– Пусто, нет ничего и никого, – поворотив стволом автомата разбросанное по глиняному полу тряпье и солому, служащую подстилкой для сна, произнес Черкас и направился к выходу. – Уходим! – сказал он. Приоткрыв дверь, окинул внимательным взором двор дувала. – Эй, бача, – неожиданно крикнул он, шелкнув предохранителем на автомате. – Эй, бача, инжебёз, – он поманил кого-то пальцем. – Инжебе, иди сюда, не бойся. Он обращался к мальчику-подростку, стоящему недалеко от них возле разрушенного тандыра. Мальчик что-то ковырял палкой внутри него.

– Инжебе, – повторил Черкас и направился к нему.

– Петруха, осторожней, может, у него пушка, – предупредил Черкаса Сергей.

И только он это произнес, подросток вытащил откуда-то из штанин пистолет и навскидку выстрелил в приближающегося к нему Черкаса. Пуля прошла рядом, рикошетом ударилась в небольшой камень, стоящий на пути.

– Ах ты, сучонок, – крикнул зло Черкас, падая на землю, и в ответ дал очередь из автомата.

– Уходим к своим, – распорядился Сергей, подгоняя Черкаса.

– Где он, где? – пытался найти мальчишку Черкас, нервно озираясь по сторонам.

– Где, где, да он уже свалил. Уходим. Давай, на хрен тут задерживаться, давай, пошли, еще увидим.

– Кто-то стрелял? – спросил ротный, когда Сергей и Черкас подошли к своему отделению.

– Да бачонка присмотрели, а он в ответ послал нас подальше пульей, – ответил Петруха.

– Не зацепил, все хорошо? – поинтересовался ротный.

– Ни он, ни я, – ответил Петруха.

Дух приходил в себя возле стены дувала. Он сидел, приподняв голову, смотрел сквозь щелки заплывших от ударов глаз.

– Товарищ старший лейтенант, – позвал ротного стоящий рядом с ним молодой солдат.

– Что? – отозвался ротный.

– Он очухался, пришел в себя, – ответил разведчик.

– Наблюдаем во все стороны, – распорядился ротный, приближаясь к духу. – Мы здесь не одни, мне чутье подсказывает. Сейчас проверим мое предположение, – сказал он, приседая на корточки перед духом, вытаскивая из чехла штык-нож военного образца. – Сейчас проверим, – повторил он, – что нам эта мразь скажет. Таджикиев, ко мне, – позвал он солдата-переводчика. – Очухался, урод, – сказал ротный,

приставив к подбородку душмана сверкающий на солнце отточенный как бритва штык-нож.

– Где остальные? Переведи ему, что я сказал и что буду говорить впоследствии. Понял? – он посмотрел на солдата-переводчика. – Где остальные? Сколько вас здесь? Перевел? – спросил он Таджиева, внимательно наблюдая, как тот пытался объясниться с пленным на таджикском, подбирая нужные слова. – Что, молчит, гад?

– Молчит, товарищ старший лейтенант, – ответил вполголоса Таджиев.

– Спроси его еще раз, – посоветовал Губанов, обращаясь к солдату. – Скажи этому ишаку, убью, если будет молчать, – скрипнув зубами, зло проговорил он, играя отблесками солнца на лезвии ножа. – Молчит?

– Да, – кивнул Таджиев и отошел в сторону.

– Ну, воля твоя, я подневольный, нам приказали уничтожать вас под корень. Значит, молчишь, да? Сука, – Губанов снова поднес к его горлу штык-нож и провел по подбородку, сделав неглубокий надрез на коже.

Кровь большой каплей повисла на бороде, запутавшись в волосах, образовала красновато-черную сосульку.

Обезумевший от боли дух, схватившись за горло, стал кататься по земле, поднимая пыль и издавая стоны, перемешанные со словами на афганском языке.

– Что он там шепчет? – крикнул ротный и посмотрел в сторону Таджиева.

– Ругается, – ответил солдат.

– Ругается? Ах ты, ублюдок, сколько наших положил, он зарубки делает на винтаре! Он не понимает, что ему гранты.

Губанов подошел к нему и наотмашь ударил прикладом автомата в грудь. Душман, захлебнувшись после удара, перехватившего дыхание, застонал и, поднимая руки к небу и выпучив глаза, стал орать, брызжа сухой кровавой слюной.

– Он говорит, – перевел Хаджиев, – что аллах покарает нас за то, что мы пришли на их землю. Он говорит, нам всем глотки перережут сегодня и животы набьют соломой.

– Пусть говорит себе на здоровье, пусть помечтает, – зло сплюнув, спокойно изрек Губанов.

– Что делать с ним, ротный? А? – спросил подошедший Иванов.

– В Кабул его, – не долго думая ответил старший лейтенант Губанов. – Я сам, сам, я должен получить удовольствие, – сказал он, доставая из чехла свой великолепно отточенный нож. – Они, перед тем как убить нашего солдата или офицера, резвятся, отрезают уши, выкалывают глаза и звезды вырезают на груди. А я не буду этого делать. Я тебя пощажу. Я тебя в Кабул отправлю по-нашему, без особого труда и боли, мы не звери, мы выполняем свой долг. Я тебя успокою, вот так.

Его глаза были налиты кровью, он то и дело закрывал их, голова вздрагивала от нахлынувшей на него бешеной ярости. Он, с силой обхватив двумя руками рукоятку ножа, вогнал

в голову духа стальной прут, не дав ему возможности даже испугаться. Расколов таким образом череп на две половины, вытащил лезвие и вытер его о штаны убитого.

– Вот так-то, сорок три, – проговорил ротный, вставляя лезвие-нож в чехол. – Уходим, наша работа началась, – сказал он, взмахом руки увлекая за собой разведчиков. – Только без надобности не стрелять, будем действовать тихо. Девчонку закройте в доме, трупы прикрыть соломой – и айда.

– А что с ханумкой делать? – спросил Одеса.

– Ну, это не наше дело, как аллах ей подскажет. Выдвигаемся таким же макаром, – распорядился ротный, вытирая рукавом потный лоб. – Нужно найти остальных, а они здесь есть, это я точно знаю, не один же он сюда заявился на трах. А-а-а? Он посмотрел на стоящего рядом Иванова.

– Конечно, не один, – согласился с ним Иванов, поправляя свой боевой комплект.

– Действовать ножом по возможности больше, патроны для дела не жалеть. Ну, с Богом. – Ротный окинул всех взглядом, в его успокоившихся, удовлетворенных глазах сверкнули огоньки. – Теперь делаем вот что, – подняв голову и окинув взглядом разведчиков, заговорил он быстро. – Крымов, Черкас, Одеса, Иванов, вас мне нечему учить, пойдете правой стороной по этой улице, между дувалов. Да, и возьмите еще пулеметчика, вам он пригодится. Пулеметчик молодой, но парень крепкий, мой земляк, приобщите к делу, чтобы не засох в трясине бытовухи, приглядывайте за ним, где надо,

подскажите, можно кулаком, я разрешаю.

Он улыбнулся и посмотрел на стоящего рядом солдата крепкого телосложения, рослого, с сильными мозолистыми крестьянскими ладонями.

– Зуев, пойдешь в отделении Иванова, слушай его и ребят во всем, если хочешь быть настоящим разведчиком, и жить, я думаю, не надоело, солдат. Я вижу, ты, парень, молоток, – он похлопал Зуева по плечу и чуть заметно улыбнулся. – Прочешите все дувалы с северной стороны, с кишлачными вести себя по обстановке. Пленных духов не брать, всех в Кабул. – Он провел ребром руки возле шеи. – Связь со мной по «ромашке» поддерживать, отвечать на сигналы. Я остаюсь здесь, пойду в глубь кишлака, пошманаю козлов зеленых. Ты, Лисицын, со своей четверкой туда. – Ротный указал рукой направление. – Делать то же самое, всех в Кабул. Ну, с богом, пацаны. Поставим на место припухших, а то разгулялись по нашей территории, суки, жизни от них нет. Да, запроси русло, – обратился он к радисту, когда отделение Иванова отходило от места. – Пусть Котов готовится к проческе своей территории. Ну, все, уходим, встретимся на борту.

Северная сторона кишлака встретила нетронутыми глиняными заборами и наглухо законопаченными окнами и дверями дувалов. Даже домашняя птица и скот куда-то исчезли. Стояла подозрительная пугающая тишина.

– А где все жители? – задал вопрос все это время молчавший Зуев.

– Где, где? – передразнил его Петруха. – По дувалам, по домам сидят, как крысы, носа не кажут, ждут удобного момента, чтобы тебе в спину пульнуть исподтишка. Это мы за них тут корячимся, а не они за нас. Так что держи ухо востро. Понял?

– Так точно, – проямлил Зуев и шмыгнул носом.

– Ничего, послужишь с наше, больше не будешь задавать дурацких вопросов. Мы не на гулянку пришли, а на войну эту долбанную. Или ты еще не понял, что да как? – обернувшись к молодому, сказал Петруха. – И вот еще что тебе скажу как земляку нашего ротного, мы его уважаем, он наш человек, свой, хоть и недавно с нами. Так что, если хочешь вернуться в Союз как положено, а не в цинковом, спецрейсом в «Черном тюльпане», смотри по сторонам и слушайся старших. Врубился? – спросил он, подталкивая вперед солдата. Остановился на месте, прислушался.

– Ну ладно пугать молодых, – вступился Иванов.

– Да, че, че, я что, неправильно, что ли, сказал? Ты, Ваня!! – буркнул недовольно Черкас.

– Да все правильно – согласился Иванов и, улыбнувшись, посмотрел на своего друга. – Не забудь, что тебе сейчас сказали, и будет все о'кей. Страшно? – спросил он с сочувствием.

– Немного есть, – процедил сквозь зубы Зуев и прижал к груди пулемет.

– Предохранительними, – заметил Петруха, все это вре-

мя наблюдавший за Зуевым, медленно, не спеша, идущим за ним.

Он передернул затвор своего автомата, снова остановился и замер на месте.

– Показалось, – проговорил он, прижимаясь к стене глинобитного забора. – Зуй! Зуй!

Укоротив фамилию солдата и таким образом придумав ему позывной, он, окликнув молодого, затараторил:

– Смотри, Зуй, когда будешь стрелять по духам, в нас не попади от страха. Понял? А то в роту приедем, будешь отжиматься до потери пульса в полной боевой экипировке. Понял?

– Ну, все, все, хватит трепаться, – резко оборвал Иванов, не дав Черкасу отмочить очередную шуточку. – Быстро разобрались по местам, каждый наблюдает в своем направлении, – приказал он. – Серый, пойдешь замыкающим. Зуй пока еще не обстрелянный, хотя это его место в группе. Смотри, Зуй, не зевай, учись, здесь тебе быть вместо Серого. Прикрытие отхода, в крайнем случае, на твоём ПК лежит. Зуй, давай для начала в середину на место Сереги, идем цепью от стены к стене, по проходу, – распорядился Иванов и запел вполголоса:

– Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый,

А ты не вейся на ветру,

Ах, карман, карман, ты мой дырявый...

– Ты че, Вань, распелся? – шутливо бросил рядом идущий

Одеса.

– Да, братишка, что-то у меня мой шрам зачесался не на шутку. Он всегда зудит, когда духи где-нибудь рядом. Он у меня как миноискатель. Так что приготовьтесь. Вот за этим валуном затаимся, хорошая позиция, видно во все четыре стороны. Подождем. Помогите нам, господа, ведь не за Родину воюем, а за этих «несчастливых на бумаге».

Прошло пять минут напряженного ожидания.

– Сейчас, сейчас, – повторял тихо Иванов. – Сейчас они вылезут, я чувствую, где-то рядом, без балды.

– Глянь, – почти крикнул Зуев и приподнял голову над камнем.

– Тише, тише, ложись, дурень, не высовывайся, пулю захотел? – нервно проговорил Сергей и с силой прижал его голову к земле. – Ты что, смелый? Лежи и держись за гашетку на своем пулемете. Сейчас повоюем. Мы все видим, без соплей.

Из соседнего дувала в двадцати метрах от них вышла компания. Они шли прямо на группу неторопливым шагом. Впереди идущий душман-боевик был экипирован в советскую одежду офицерского покроя экспериментального образца. Он остановился, улыбаясь, что-то крикнул своим.

– Один, два, три, четыре, – начал быстро считать Петруха.

– Десять, тринадцать, пятнадцать...

Из дувала вышло человек сорок. Они оживленно о чем-то говорили, возле них крутился «бача», подросток лет три-

надцати-пятнадцати.

– Он, он в меня шмалял, наводчик, – зло проговорил Петруха, прикладывая к плечу автомат.

– Подожди, – одернул его Иванов. – Подожди, не стреляй, будем ждать, что дальше.

Подросток, размахивая пистолетом Макарова, указывал в сторону, где находилась группа.

– Гнида, – нервно проговорил Иванов. – Навел все-таки, это твоя заслуженная пуля.

Он прицелился, раздался одиночный выстрел. Бача, схватившись за живот, стал медленно сползать на землю.

– Да здесь целая банда, – с испугом проговорил Зуев, подтягивая пулемет поближе к себе. Откинув крышку сверху, рядом с затвором, стал нервно поправлять пулеметную ленту.

– Зуй, ты что, пулемет забыл зарядить или ленту не вставил? – закричал Петруха, вытаскивая из-за спины две гранаты Ф-1.

– Да нет, да нет, все нормально, Петруха, – выпучив глаза, растерянно прошептал Зуев.

– Ну все, пацаны, нам здесь не справиться. Передавай по «ромашке»: напоролись на духов, будем принимать бой. Сообщи примерное место нахождения, – вполголоса сказал Иванов.

– Отходить нужно, отходить, – нервно закричал Петруха, не в силах сдерживать свои чувства.

– Куда отходить?! – возмутился Иванов. – Встанем, засветимся, покрошат как капусту. Этого хочешь, Черкас? Приготовиться к бою! – приказал он.

– Духи сзади нас окружают, – крикнул Сергей и пустил длинную автоматную очередь в нарисовавшиеся две фигуры, которые приближались к ним, перебегая от одной стены к другой.

Впереди идущие душманы моментально залегли. Разделившись на небольшие группы, быстро побежали в сторону разведчиков, пытаясь окружить их кольцом. Длинная пулеметная очередь разрежала горячий воздух. Поднялась пыль. Было видно, как упали несколько «духов». Припав к земле, они затаились.

– Почему они не стреляют? – спросил Петруха.

– В плен хотят взять, нас же мало, в кольцо берут, сволочи, – закричал Иванов. – Петруха, задних забросать гранатами. Зуев, прикрой, не дай им поднять голову. Серый, помоги Зуеву подствольником. Уходим к руслу, держаться вместе, не отрываться.

Иванов встал в полный рост, послал вперед одну за другой две гранаты. Поднялись клубы дыма. Крики душманов растворились в шуме заработавшего пулемета и четырех автоматов. Сергей нажал на курок своего автомата и прижался щекой к горячей металлической крышке, внутри которой ходил, щелкая, затвор, выбрасывая из ствола огонь и дым. Зажмурив один глаз, посылал впереди себя короткие авто-

матные очереди, приговаривал:

– В плен взять хотите, а не хрена, у вас, ишаки, не выйдет.

Моментально отстегнул израсходованный рожок, закинув руку за спину, достал еще два. Один пристегнул, передернув затвор, увидел, как к нему приближается изготовившийся к прыжку враг с ножом, похожим на серп, в руке. Короткая очередь отбросила его в сторону, он упал навзничь, раскинув руки в разные стороны, застонал, отполз за черный камень.

– Черкас, пристреляй подствольник за тот валун, – Сергей указал пальцем, обращаясь взглядом к своему другу.

Первый выстрел пришелся рядом с каменной глыбой, отбив от нее несколько осколков. После второго выстрела граната ударила по остроконечной верхушке глыбы, раздробив ее.

– Да, что ты там, пукаешь, Петруха, что, окосел? По траектории давай! – закричал недовольно Сергей.

Третий выстрел пришелся точно в цель. Вместе с клубами черного дыма и осколками разбитого камня вверх взметнулись куски разорванной одежды, дождем посыпались красные банкноты «афгани».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.